

Научная статья

УДК 94(47).084

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-1>

Лагеря принудительных работ на территории Московской губернии в 1919–1922 гг.: труд и повседневность

Илья Витальевич Удовенко

Музей истории ГУЛАГа,

Москва, Россия,

ilvitud@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3293-1497>

Ilya V. Udovenko

Gulag History Museum,

Moscow, Russia,

ilvitud@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3293-1497>

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов исследования концентрационных лагерей и лагерей принудительных работ на территории Московской губернии в период 1918–1922 гг. В качестве основной источниковой базы работы используются отчеты о деятельности лагерей, материалы инспекторских проверок, статистические данные о численности и составе заключенных, переписка начальников лагерей с ВЧК, НКВД РСФСР, а также Главным управлением принудительных работ. Концентрационные лагеря официально стали появляться в РСФСР после выхода декрета СНК «О Красном терроре». Они создавались сразу для нескольких целей. С одной стороны, это были места концентрации большого количества военнопленных Гражданской войны, с другой стороны, их использовали в качестве психологического способа устрашения политических противников официальной власти. Указывается, что одними из первых заключенных подобных лагерей становились заложники, бывшие в большинстве своем абсолютно простыми, ни в чем неповинными людьми: родственники военнослужащих Белой армии, жители прифронтовых территорий и др. Кроме того, в лагеря помещались классовые противники советской власти: представители дворянства и офицерства, сложившие оружие, выходцы из помещиков, купцов, мещан, духовенства и др. К 1921 г. система советских лагерей довольно сильно разрослась и включала в себя 122 лагеря. Московский регион в силу своей транспортной развитости играл в эти годы особую роль распределителя. В самой Москве насчитывалось 9 лагерей, о которых в настоящее время хорошо известно. Помимо

© Удовенко И.В., 2022

© Udovenko I., 2022

них, в Московской губернии находилось еще 9 лагерей, о которых в настоящее время нет полноценного исторического исследования. Первоначально московские губернские лагеря использовались как место для разгрузки столичных концлагерей, но с 1920 г. многие из них приобрели вполне четкое производственное направление. заключенные Московской губернии обеспечивали столицу дровами, работали на кирпичных заводах, принимали участие в строительстве первенца ГОЭЛРО – Каширской ГРЭС. В 1919 г. в Подмоскowie был поставлен по-настоящему уникальный социальный эксперимент – создан первый в стране лагерь для детей и подростков в Звенигороде под названием «Детский городок». Во многом именно производственный потенциал московских губернских лагерей способствовал развитию дальнейшего использования принудительного труда заключенных в стране.

Ключевые слова: концентрационные лагеря, лагеря принудительных работ, Красный террор, Гражданская война, советско-польская война, Главное управление принудительных работ НКВД, Московская губерния, контрреволюционные преступления, репрессии

Для цитирования: Удовенко И.В. Лагеря принудительных работ на территории Московской губернии в 1919–1922 гг.: труд и повседневность // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1117–1160, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-1>

Forced labor camps in the territory of Moscow Governorate in 1919–1922: work and everyday life

Abstract. The article is devoted to the study of concentration camps and forced labor camps in the territory of Moscow Governorate in the period between 1918 and 1922. The main sources of the study are reports on the activities of the camps, materials of inspections, statistical data on the number and composition of prisoners, correspondence of the camp chiefs with the Cheka, the NKVD of the RSFSR, and the Chief Administration of Forced Labor. After the decree of the Council of People’s Commissars “On the Red Terror” had been issued, the concentration camps began to appear in the RSFSR officially. These camps were created for several purposes at once. On the one hand, they were places of concentration of a large number of POWs of the Civil War. On the other hand, the Bolsheviks used the camps as a psychological way to intimidate their opponents. Among the first prisoners of such camps were hostages, who could be innocent ordinary people: relatives of the White Army members, residents of front-line territories, etc. Moreover, class opponents of the Soviet power were placed in these camps: representatives of the nobility and officers who chose to surrender as well as landowners, merchants, petty bourgeois, or clergy by birth, etc. By 1921, the system of Soviet camps had grown quite significantly and included 122 camps. Due to its good transport development, the Moscow region played a special role of a distribution center for prisoners in those years. In Moscow itself, there were nine camps, which are very well known now. In addition to them, there were nine more camps in Moscow Governorate, which have not been comprehensively researched so far. Initially, the camps of Moscow Governorate were used for reducing the load on the concentration camps of the capital. However, in 1920, many of them took a very clear direction towards production. Prisoners of the camps situated in Moscow Governorate supplied the capital with firewood, worked at brick factories, took part in the construction of the Kashira Power Plant, the “firstling” of the State Commission for Electrification of Russia (GOELRO). In 1919, a truly unique social experiment was performed in Moscow Governorate, which was the country’s first camp for children and adolescents in Zvenigorod under the name *Detskii gorodok* [Children’s Town]. In many ways, it

was the production potential of the concentration camps of Moscow Governorate that greatly contributed to the further development of the use of prisoners' forced labor in the country.

Keywords: concentration camps, forced labor camps, Red Terror, Civil War, Polish–Soviet War, Chief Administration of Forced Labor (GUPR) of the NKVD, Moscow Governorate, counter-revolutionary crimes, repression

For citation: Udoenko, I.V. “Forced labor camps in the territory of Moscow Governorate in 1919–1922: work and everyday life.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 4 (2022): 1117–60, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-1>

Введение

Историография лагерной системы, существовавшей на территории Советской России в 1918–1922 гг., не столь обширна, как исследования лагерей сталинского периода. Литература в данной области носит зачастую фрагментарный или краеведческий характер. Первыми исследователями лагерей принудительных работ стали российские ученые-эмигранты, которые ввиду отсутствия репрезентативной источниковой базы, основывали свои труды на воспоминаниях, собственных впечатлениях, а зачастую и на слухах¹. Так, известный историк, публицист С.П. Мельгунов, прошедший тюремное заключение и покинувший Россию в 1922 г., в 1923 г. в Берлине опубликовал работу «Красный террор в России»². Данный труд стал первой работой, где на основании собственных наблюдений, а также воспоминаний других заключенных, Мельгунов привел некоторые разрозненные данные о лагерной системе России этого периода. Материалы о концентрационных лагерях РСФСР Мельгунов брал из сборника воспоминаний о Красном терроре «ЧЕ-КА. Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий», изданного в Берлине в 1922 г. Центральным бюро партии эсеров³. Многие из его авторов в целях безопасности предпочли публиковаться под псевдонимами.

Первое и к настоящему времени единственное серьезное аналитическое исследование лагерного социума в 1918–1922 гг. было сделано Н. Чебышевым в статье «Опыт статистической обработки некоторых данных о содержащихся в концентрационных лагерях» в 1922 г.⁴ Основой данной работы Чебышева стали данные, полученные в ходе изучения 21 тыс. личных карточек заключенных. Дополнительно Чебышев привел статистику о процентном

¹ *Vaucher R.* L'enfer bolchevik: à Pétrograd sous la commune et la terreur rouge. Paris: Perrin Et Cie, 1919.

² *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. Москва: Вече, 2017.

³ ЧЕ-КА. Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий. Берлин: Новая Россия, 1922.

⁴ *Чебышев Н.* Опыт статистической обработки некоторых данных о содержащихся в концентрационных лагерях // *Власть Советов. Орган Народного комиссариата внутренних дел.* 1922. № 4–6. С. 49–53.

соотношении содержания в лагерях заключенных по уголовному наказанию и в административном порядке.

До 1991 г. в СССР тема концлагерей в исторической литературе не поднималась. В это же время за рубежом выходили исторические исследования, затрагивавшие тему концлагерей, как правило, опосредованно, в контексте политики Красного террора и Гражданской войны⁵. Особенностью данных работ являлась недостаточная источниковая база, основанная преимущественно на мемуаристике.

В постсоветский период интерес среди исторического сообщества к теме советских концлагерей стал постепенно возрастать. В 1990-е гг. как в России, так и за рубежом стали издаваться сборники документов с комментариями и научными статьями, которые подробно освещали большевистскую карательную политику первых лет советской власти⁶. Особенно стоит отметить работы российских и польских историков, которые рассматривали процессы репатриации военнопленных, оказавшихся в концентрационных лагерях в ходе советско-польской войны 1919–1921 гг.⁷ К середине 2000-х гг. в отечественной историографии оформилось три самостоятельных направления в изучении данной темы. Первое, юридическое, рассматривавшее большевистские концлагеря с точки зрения уголовного и административного права, – представлено в работах М.Г. Деткова и Е.М. Гилярова⁸. Второе направление – историческое, отражено в трудах Г.М. Ивановой и А.Л. Литвина⁹, которые

⁵ Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1974; Zorin L. Soviet prisons and concentration camps: An annotated bibliography, 1917–1980. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980; Kenez P. Civil War in South Russia, 1919–1920. The Defeat of the Whites. Berkeley: University of California Press, 1977 и др.

⁶ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / составители А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Москва: МФД, 2000; Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels / édition et traduction du russe par G. Moullec, N. Werth. Paris: Gallimard, 1994.

⁷ Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б). 1920–1921 гг. Москва: Институт славяноведения РАН, 2005; Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922). Dokumenty i materiały / opracowali Z. Karpus, S. Alexandrowicz. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995.

⁸ Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. Москва: РИПК работников МВД РФ, 1992; Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917–1925 гг.). Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1990.

⁹ Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. Москва: Наука, 2006; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Москва: Эксмо, Яуза, 2004.

рассматривают историю лагерей принудительных работ с точки зрения истории советской пенитенциарной системы и истории репрессий в СССР. К этому же направлению следует отнести статью С.С. Бразевича 2017 г. по истории лагерного социума, в которой автор статистические данные Чебышева от 1922 г. частично дополнил результатами собственных исследований¹⁰.

Наконец, третье, самое молодое и самое востребованное на сегодняшний день направление – краеведческое, представленное многими региональными историческими исследованиями, ориентировано на изучение лагерей и лагерных групп в конкретном регионе на материалах региональных архивов¹¹. Отдельно стоит выделить работы А.Л. Кубасова и Т.Ф. Мельник, посвященные истории концлагерей на Русском Севере в Архангельской губернии, так как именно на базе этих лагерей в 1923 г. появился известный Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ, ставший прообразом будущих лагерей ГУЛАГа¹². Этот же период характеризуется практически полным спадом интереса к теме лагерей первых лет советской власти среди зарубежных историков, которые полностью переключились на исследование сталинских репрессий. Советские концлагеря рядом зарубежных ученых рассматриваются лишь иллюстративно, как часть общезападной тенденции лагерной субкультуры в Европе и Америке¹³.

¹⁰ *Бразевич С.С.* Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как организованная форма насилия в годы Гражданской войны // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: материалы X международной научной конференции (Москва, 5–7 декабря 2017 г.) / под редакцией Й. Баберовски и др. Москва: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2018. С. 728–737.

¹¹ *Камардин И.Н.* Лагеря принудительных работ в Поволжье в годы военного коммунизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33), ч. 1. С. 95–98; *Белова И.Б.* Концентрационные лагеря принудительных работ в советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38), ч. 1. С. 32–37; *Знак Т.М.* Любовь в концлагере № 1 города Екатеринбурга. Екатеринбург: Южно-Уральское книжное издательство, 2021 и др.

¹² *Кубасов А.Л.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 – февраль 1922 г.). Москва; Вологда: Полиграфист, 2008; *Мельник Т.Ф.* О первых советских лагерях принудительных работ на Архангельском Севере (опыт систематизации источников и литературы) // XIX Ломоносовские международные научные чтения: сборник научных трудов / составители П.С. Журавлев, О.А. Подоплекин. Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2008. С. 88–106.

¹³ *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний / перевод с французского Е. Мурашкинцевой, Н. Малыхиной, Ю. Розенберг. Москва: Текст, 2003.

В настоящем исследовании использовались архивные материалы из фондов Наркомата внутренних дел РСФСР (Ф. Р-393) и Главного управления мест заключений НКВД РСФСР (Ф. Р-4042), хранящихся в Государственном архиве РФ. В ходе работы автор также обращался к документам Российского государственного архива социально-политической истории из фондов по истории и деятельности Совета народных комиссаров РСФСР (Ф. 19), Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) (Ф. 63), а также из личного фонда Ф.Э. Дзержинского (Ф. 76). Кроме того, в исследовании использовались материалы Политического управления рабоче-крестьянской Красной Армии из фондов РГВА (Ф. 9.). Помимо документов из государственных архивов, активно привлекались источники личного происхождения, мемуары и письма, многие из которых были переизданы в сборнике «Красный террор в Москве» в 2010 г.¹⁴

Основная часть

Институт концентрационных лагерей в Советской России как форма массового заключения классовых противников эволюционно вырос из системы концлагерей для военнопленных Первой мировой войны. Первые пленные в России появились уже осенью 1914 г., когда в результате Галицийской битвы в плен к русским сдались порядка 100 тыс. австрийских солдат. По всей вероятности, тогда же в Москве был открыт крупнейший пересыльный лагерь в деревне Кожухово рядом с Симоновым монастырем. Согласно переписке ВЧК с комендатурой московского Кожуховского лагеря принудительных работ за 1919 г., через Кожуховский лагерь с 1914 по 1919 гг. прошло 1,5 млн военнопленных¹⁵. Лагерь располагался в непосредственной близости от железнодорожной станции Кожухово Московской окружной железной дороги, по которой эшелоны военнопленных могли транспортироваться на московские вокзалы, откуда те отправлялись уже в лагеря постоянного пребывания. Будучи крупнейшим транспортным узлом страны с хорошо развитой железнодорожной сетью, Москва и в последующие годы продолжила играть роль распределительного пункта.

После подписания Брест-Литовского мирного договора 3 марта 1918 г. началась массовая репатриация военнопленных из РСФСР. Для организации столь масштабного процесса 23 апреля 1918 г. при Наркомате по военным делам была создана Центральная коллегия по делам пленных и беженцев,

¹⁴ Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев / составитель С.В. Волкова. Москва: Айрис-пресс, 2010.

¹⁵ Переписка начальника Кожуховского лагеря с ВЧК о ходе работ по организации лагеря от 20.VIII.1919 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 156. Л. 24.

сокращенно Центропленбеж¹⁶ (с февраля 1920 г. – Центральное управление по эвакуации населения, Центрэвак), под руководством И.С. Уншлихта, являвшегося ближайшим соратником Ф.Э. Дзержинского и входившего в состав коллегии НКВД РСФСР. Именно в ведение Центропленбежа попали все имевшиеся на тот момент в стране концентрационные лагеря. Функционал Центропленбежа соединял в себе содержание лагерей и управление пленными, в частности обустройство их быта, устройство на работы, в том числе по договорам с запрашивающими организациями, культурно-просветительскую деятельность и т.д. По своим функциям Коллегия была очень похожа на своего преемника – Главное управление принудительных работ НКВД (далее – ГУПР), которое в свою очередь стало прообразом будущего ГУЛАГа. Таким образом, лагерная культура в России характеризуется непрерывным развитием от первых лагерей для военнопленных к лагерям ВЧК и НКВД РСФСР и далее, к исправительно-трудовым лагерям ГУЛАГа.

В преддверии Красного террора, 18 июня 1918 г. на заседании Центропленбежа, председательствующая комиссия во главе с Уншлихтом была вынуждена констатировать факт крайнего перенаселения иностранными военнопленными лагерей Москвы и Московской губернии, в частности Калужского и Вяземского лагерей¹⁷. Ввиду отсутствия продуманных методов и средств, единственным выходом из сложившейся ситуации было предложено продолжать перевод военнопленных из Москвы в регионы.

Первая волна репатриации военнопленных началась еще до подписания мирного договора – зимой 1918 г. Лагеря Центропленбежа стали освобождаться. Именно в это время институт лагерей в России получил новый виток развития. В освободившихся лагерях для военнопленных с лета 1918 г. ВЧК начинает устраивать свои собственные, предназначенные для противников советской власти. В апреле 1918 г. внутри Наркомата юстиции был сформирован Центральный карательный отдел (ЦКО), который выпустил инструкцию по управлению всеми местами заключения в стране. Главными принципами новой системы стали самокупаемость и перевоспитание заключенных. Принцип самокупаемости напрямую подводил к идее использования принудительного труда заключенных, направленного на создание системы жизнеобеспечения лагерей и тюрем.

Осенью 1918 г. ВЧК получила юридическое обоснование своим действиям. В ответ на «Белый террор» 5 сентября 1918 г. вышел декрет СНК «О красном

¹⁶ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. Москва: Политиздат, 1959. С. 165–167.

¹⁷ Протокол заседания Центральной коллегии о пленных и беженцах. П. 4. О дальнейшей работе по разгрузке Москвы от военнопленных и гражданских пленн. 18 июня 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 11. Л. 63.

терроре», в котором прямо указывалось: «необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»¹⁸. Важно отметить, что в плане организации концлагерей губернские ЧК получили полную свободу. Для организации лагеря не требовалось согласование с центром, лагеря могли быть организованы по решению регионального органа. На начальном этапе лагерная система в Советской России носила стихийный и даже хаотичный характер. Вдохновитель лагерной системы Ф.Э. Дзержинский принципиально разделял тюремное заключение по суду и лагерное – по административному приговору. Лагеря в ближайшем будущем должны были стать «школами труда», где принцип перевоспитания заключенных осуществлялся бы посредством исполнения трудовой повинности. Эта идея нашла отражение в самом названии лагерей, которые с весны 1919 г. стали называться «лагерями принудительных работ». Хотя в делопроизводстве ВЧК и НКВД РСФСР зачастую продолжали использовать и термин «концентрационный лагерь», который надолго закрепился в советских документах и встречается по отношению к исправительно-трудовым лагерям ГУЛАГа вплоть до 1937 г.

С апреля 1919 г. к организации лагерей приступает НКВД РСФСР. Формирование системы концлагерей было доверено члену коллегии ВЧК М.С. Кедрову. Именно Кедров создал из разрозненной системы лагерей, имевшихся к 1919 г., полноценную пенитенциарную систему. 17 мая 1919 г. внутри наркомата был образован Отдел принудительных работ (ОПР), который вскоре переименовали в Главное управление принудработ (ГУПР)¹⁹. 24 мая Центропланбеж был передан из Наркомата по военным делам в НКВД. Отныне все создаваемые лагеря ВЧК переходили в ведение ОПР/ГУПР.

Первые советские концентрационные лагеря в Москве начали появляться в 1918 г. Для их размещения были отведены известные московские монастыри: Рождественский, Ивановский, Покровский, Новоспасский и Андрониковский. Разоренные и опустевшие обители очень быстро были перепрофилированы в места массового заключения.

Всего в первые годы советской власти непосредственно в Москве (в границах 1917 г.) было образовано 9 концентрационных лагерей и лагерей принудительных работ и 1 трудовой дом для несовершеннолетних. Также в Московской губернии было образовано 9 лагерей и 5 сельскохозяйственных

¹⁸ Постановление СНК по борьбе с контрреволюцией от 5 сентября 1918 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 192. Л. 10.

¹⁹ С сентября 1920 г. до февраля 1921 г. ГУПР на время был переименован в Главное управление общественных работ и повинностей. Окончательно ГУПР был упразднен 12 октября 1922 г.

трудовых колоний. В Звенигороде с 1919 г. функционировал лагерь для «морально-дефективных» детей от 10 до 17 лет под названием «Детский городок».

До середины 1919 г. лагеря Московской губернии имели различное подчинение, что негативно сказывалось на их снабжении и функционировании. 21 мая 1919 г. начальник Особого отдела ВЧК М.С. Кедров докладывал комиссии НКВД о состоянии лагерей принудительных работ в Москве, часть из которых на тот момент находилась в подчинении Центропленбежа Наркомата по военным делам. Главным посылом этого выступления было указание на полную неспособность Центропленбежа организовать надлежащий караул в лагерях, обеспечить порядок и режим. На основании этого доклада комиссия вынесла решение: «подчинить означенные лагеря Центропленбежа отделу принудительных работ в смысле административного использования их с применением к ним общей инструкции»²⁰. С этого момента все московские лагеря перешли под обеспечение ОПр НКВД РСФСР, при сохранении за чекистами решающего права организации новых и закрытия действующих лагерей.

Контингент всех лагерей в РСФСР регламентировался секретным приказом ВЧК о «Красном терроре» от 2 сентября 1918 г., согласно которому наиболее активные и влиятельные противники Советов (меньшевики и эсеры) подлежали заключению в тюрьмы. В то же время в концлагеря следовало отправлять тех классовых врагов, которые не представляли серьезной опасности и не являлись активными противниками нового режима. В концлагеря направлялись выходцы из «неподходящих» слоев, включая крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, священнослужителей и монахов, офицеров, сложивших оружие. По словам заключенного А. Бекреньева, «аристократическое происхождение есть уже само по себе тяжкое преступление против советской власти»²¹. Вышеупомянутый приказ устанавливал необходимость обязательного принудительного труда заключенных и предписывал жестко пресекать любые попытки беспорядков и мятежей: «При всякой попытке сорганизоваться, поднять восстание, напасть на караул – немедленно расстреливать»²². Обязательный принудительный труд для заключенных концентрационных лагерей выглядел своего рода классовым возмездием и формой унижения

²⁰ Протокол № 19 заседания Коллегии НКВД. П. 3. О лагерях Центропленбежа. 21 мая 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 19. Л. 121.

²¹ Бекренев А. Штрихи тюремного быта // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. С. 223.

²² ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / составители А.И. Кокурин, Н.В. Петров. С. 14.

бывших эксплуататоров. Формулировка официального документа «заставить этих господ работать под конвоем» отражает полное пренебрежение и безразличность советской власти по отношению к бывшей верхушке капиталистического общества. Помещики, фабриканты и титулованная аристократия, лишенные статуса, денег и власти, оказались настолько беспомощными, жалкими и не представляющими опасности для завоеваний революции, что не были достойны даже тюремного заключения вместе с отъявленными контрреволюционерами.

Москва занимала особое стратегическое положение в стране, поэтому на первоначальном этапе именно здесь концентрировались все политические заключенные, которые в силу различных обстоятельств не попали в тюрьмы. Согласно докладной записке НКВД РСФСР за 1921 г., все лагеря на территории страны подразделялись на следующие типы:

- 1) лагеря особого назначения (например, Андрониковский и Ивановский в г. Москве), в которые помещались наиболее опасные с точки зрения власти категории заключенных;
- 2) концентрационные лагеря общего типа;
- 3) производственные лагеря, представлявшие собой фабрики, заводы, предприятия сельского хозяйства и т.п.;
- 4) лагеря для военнопленных в виде трудовых дружин с приданием им воинской организации;
- 5) лагеря-распределители в крупных центрах, через которые проходили заключенные в ожидании этапирования к месту отбывания наказания²³.

В 1922 г. в журнале «Власть Советов. Орган Народного комиссариата внутренних дел» вышла аналитическая статья Н. Чебышева, который на основании анализа 21 000 карточек заключенных концлагерей РСФСР представил ряд статистических данных. Согласно этому исследованию, в период с 1919 г. по 1921 г. на территории Советской России количество уголовных приговоров и административных решений о заключении в концлагерь было примерно равным: 44,6 % и 54,4 % соответственно²⁴. Таким образом, основная масса всех заключенных, отбывавших наказание в концентрационных лагерях РСФСР (в том числе и в Москве) за контрреволюционные преступления, направлялась в лагеря в административном порядке.

²³ Справка-характеристика концентрационных лагерей, подчиненных Главному управлению принудительных работ НКВД РСФСР от 17.IX.1921 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 1 v. Л. 112.

²⁴ Чебышев Н. Опыт статистической обработки некоторых данных о содержащихся в концентрационных лагерях. С. 53.

К 1919 г. сеть московских лагерей настолько разрослась, что НКВД был вынужден создать отдельное Московское Управление лагерями принудительных работ, входившее в систему ГУПР. Кроме того, с целью разгрузки московских лагерей начали образовываться лагеря и лагерные командировки в Московской губернии. Москва являлась крупным распределительным пунктом, откуда заключенные направлялись в регионы, в том числе и в Московскую губернию. В 1919 г. в деревнях Владыкино и Кожухово, находящихся вблизи Московской окружной железной дороги, открылись первые два лагеря, ставшие крупнейшими во всей губернии. В это же время в подмосковных городах Сергиев Посад, Орехово-Зуево и в близлежащем г. Покрове Владимирской губернии были открыты небольшие лагеря для перевода в них части московского контингента. С 1921 г. начали функционировать производственные лагеря близ железнодорожных станций Крюково, Лианозово, Перерва, Кудиново и Снегири, а в 1920 г. на станциях Подсолнечная и Томилино – специальные лагеря для военнопленных поляков.

Отдельной и весьма многочисленной категорией заключенных московских губернских лагерей являлись заложники, которые массово стали появляться в регионе с осени 1918 г. Данная категория включала самые разные группы людей, от простых крестьян до представителей партий и офицеров. Явление заложничества стало реакцией большевиков на прямые угрозы для нового государственного строя, которые невозможно было решить в короткие сроки. Действуя террористическими методами и используя заложников, большевики пытались обезопасить свою власть и повлиять на оппонентов, в первую очередь руководителей белого движения. При угрозе собственной безопасности советская власть применяла к заложникам суровые меры, в том числе расстрелы. Летом 1919 г. масштабные действия большевиков по взятию заложников были связаны с наступлением армии А.И. Деникина на юге России, а также с борьбой Прибалтийского ландесвера в Латвии. В Москву стали поступать эшелоны с заложниками с Украины, Дона, Кубани, а также из западных регионов России.

Так, например, 24 июля 1919 г. из Киева в Москву в качестве заложников были этапированы княгиня Татьяна Георгиевна Куракина с сыном. Княгиня Куракина была одной из самых известных лагерных заключенных этого периода, оставившей подробные воспоминания о московских лагерях. Татьяна Куракина с сыном первоначально были направлены в подмосковный Кожуховский лагерь, ставший для них первым транзитным пунктом:

В Кожуховском лагере нас предупредили, что мы помещены там только временно. 7 августа нас послали на настоящее наше местожительство в Андроньевский монастырь, преобразованный в концентрационный лагерь²⁵.

В силу ранее упомянутого пересыльного характера своих лагерей Москва стала крупнейшим местом сосредоточения заложников со всей страны. Бывший московский городской глава при Временном правительстве Николай Иванович Астров, находясь в 1919 г. на юге России в Ростове-на-Дону, писал, что в Москве сконцентрировано 30 тыс. заложников:

О судьбе их гадать не приходится. Они погибнут, как только армия освобождения (Добровольческая армия А.И. Деникина. – *И. У.*) будет подходить к Москве. Примеры городов Одессы, Киева, Харькова, зверства, чинимые во всех больших и малых городах – свидетельствуют об этом²⁶.

Одной из самых уязвимых категорий заложников были родственники деятелей белого движения или оппозиционных политических партий, в которую, как правило, входили жены и дети офицеров и чиновников. Воспоминания заключенных этого периода описывают случаи расстрела женщин и детей из московских тюрем и лагерей²⁷, однако документальных подтверждений этому на данный момент не обнаружено.

В июне 1919 г. в подмосковном Звенигороде был организован экспериментальный лагерь для «морально-дефективных» детей от 10 до 17 лет. Он разместился на территории Саввино-Сторожевского монастыря с целью максимальной изоляции детей и недопущения их свободных контактов с внешним миром. Проблема беспризорности в Советской России обернулась настоящей социальной катастрофой. К концу Гражданской войны насчитывалось до 7 млн беспризорных детей²⁸. Нарушение традиционного уклада жизни, массовый распад семей, не прекращающийся с 1914 г. ряд военных и гражданских конфликтов и уничтожение государственных институтов призрения спровоцировали небывалый рост беспризорности. Не находя возможности прокормиться в одиночку в сельских местностях, дети уходили в крупные города, где занимали низовую нишу мелких услуг,

²⁵ Кн. Т.Г. Куракина. Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. С. 177.

²⁶ Астров Н.И. Положение русской интеллигенции в Советской России // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. С. 276.

²⁷ Сидоров Д. В Бутырской тюрьме // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. С. 249–251.

²⁸ Рябинина Н. По делам «Морально-дефективных». Детская беспризорность и преступность в Верхнем Поволжье в 1920-е годы // Родина. 2011. № 11. С. 99.

розничной торговли, а зачастую попрошайничества и бытового криминала. Начало решения вопроса детской беспризорности было положено в 1918 г. декретом «О комиссиях для несовершеннолетних», который запрещал тюремное заключение для детей и подростков, а также вводил специальные комиссии при Наркомате общественного призрения, которые занимались делами, связанными с детской преступностью. С этого момента проблемами детской «моральной дефективности», под которую попадали любые проявления антиобщественного поведения, стало заниматься профессиональное врачебное сообщество.

Летом 1920 г. в Москве был проведен Первый Всероссийский съезд по социально-правовой охране несовершеннолетних во главе с В.М. Бехтеревым, В.П. Кащенко и Г.И. Россолимо. Для решения проблем воспитания трудных подростков психиатры предложили создать в стране сеть специальных медицинских учреждений, санаториев и колоний закрытого типа. Кроме того, врачи высказались за полный отказ от задержания детей и содержания их под арестом вместе со взрослыми, что уже на тот момент являлось нарушением законодательства. Результатом этого съезда стало создание детских социальных инспекций. В этот период был принят ряд правовых решений, постановлений ВЦИК, образован ряд комиссий (в том числе Комиссия по улучшению жизни детей, которую в обиходе называли Детской ЧК), но реальные шаги по ликвидации беспризорности были предприняты силами ОГПУ и милиции только в конце 1920-х гг. При ее реализации не обошлось без перегибов, поскольку указанные органы восприняли задачу буквально, начав в 1927 г. кампанию по поголовному изъятию детей с улиц и направлению их в детдома.

Термин «морально-дефективные дети» прочно вошел в обиход послереволюционной России. В 1918 г. в Петрограде открылся Государственный институт дефективного ребенка. В дальнейшем подобные институты, а также детдома были открыты в других городах. Всего в 1919 г. в РСФСР было организовано 58 детдомов²⁹. В ряду учреждений по сдерживанию бесконтрольно растущей беспризорности и детской преступности принципиально выделялся лагерь для детей в Звенигороде, поскольку относился к системе ГУПР НКВД, следовательно, принудительный труд в нем рассматривался как обязательная мера давления и перевоспитания. Помещения лагеря были рассчитаны на 700 чел., но в действительности там содержалось не более 40 детей. На территории бывшего Саввино-Сторожевского монастыря, приспособленного под нужды лагеря, с детьми работали педагоги и

²⁹ Рябинина Н. По делам «Морально-дефективных». Детская беспризорность и преступность в Верхнем Поволжье в 1920-е годы. С. 100.

воспитатели из МОНО³⁰. Кроме того, в лагере также содержались заключенные-взрослые, переведенные из Покровского лагеря в Москве, которые работали в малоприспособленных и плохо оборудованных мастерских, предназначенных для обслуживания нужд лагеря³¹. Дети в данном учреждении официально не назывались заключенными (именовались воспитанниками), а их принудительный труд считался трудовым воспитанием (согласно графику работ с 14:00 до 17:00 в мастерских). Сам же лагерь в документах иногда назывался «Лагерь-городок». Из-за особого статуса исправительного учреждения на территории бывшего монастыря не было надзирателей, вместо них за детьми следили воспитатели, которые проводили с ними учебные занятия, психологические беседы и обязательно ночевали с детьми в одних помещениях. Помимо воспитателей, в лагере находился фельдшер при больничном пункте, правда с «полным отсутствием медикаментов», поэтому всех больных отвозили в звенигородскую больницу, где принимали «после продолжительных просьб и обещаний больше не присылать»³². Точное количество воспитанников, направленных в лагерь, установить сложно из-за частой сменяемости контингента: как отмечали сами сотрудники, из лагеря регулярно совершались массовые побег, которые объяснялись недостатком персонала и «моральной дефективностью» самих детей. Этим же объяснял комендант звенигородского лагеря в своем отчете намеренную порчу воспитанниками инвентаря в качестве протеста против работ, а также ссоры, драки, азартные игры и проч. Анализируя работу лагеря, комендант подвел неутешительный итог:

Нет воспитателей, способных неуклонно проводить в жизнь методы перевоспитания несовершеннолетних воспитанников Сухаревского и Смоленского рынков³³.

Эксперимент по устройству лагеря-городка полностью провалился. Анализ особенностей функционирования данного учреждения показал, насколько велика разница между врачебными заключениями, правовыми актами и реальной действительностью. Дети не испытывали желания ни трудиться, ни перевоспитываться, на территории монастыря процветала мелкая преступность в виде спекуляции едой и одеждой, «ненакормленность» воспитанников

³⁰ Московский отдел народного образования.

³¹ Доклад коменданта Звенигородского концентрационного лагеря в Отдел принудительных работ при Наркомвнутдел о положении в Звенигородском лагере-городке. 9 марта 1920 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 90. Л. 2.

³² Там же. Л. 5 об.

³³ Там же. Л. 6.

негативно сказывалась на их поведении, учебные занятия носили фрагментарный характер. В результате, в 1920 г. детей распределили по московским детдомам, а Звенигородский лагерь переформировали, сначала для содержания военнопленных-поляков, а затем – уголовных преступников. Следующим, более удачным опытом по трудовому исправлению малолетних преступников в московском регионе стали колонии и коммуны, самая известная из которых, Болшевская трудовая коммуна, была основана ОГПУ в 1924 г.

Существенным образом на состав лагерей Московской губернии повлияли советско-литовская (1918–1919 гг.) и последовавшая за ней советско-польская (1919–1921 гг.) войны. В связи с наступлением Красной армии и предпринятой попыткой советизации Польши, при ЦК РКП(б) 19 июля 1920 г. было создано Польское бюро, которое возглавил Ф. Дзержинский. Вся политическая работа по военнопленным была поручена Польской секции Политического управления Революционного Военного Совета Республики (РВСР ПУР), которая была образована 15 августа 1920 г.³⁴ В отчете Польского отдела ПУРа от 15 октября 1920 г. было учтено 29 362 военнопленных поляка в 40 лагерях³⁵. В связи с постоянно растущим количеством военнопленных, многие лагеря России и Украины оказались переполнены польским контингентом. Самыми крупными центрами сосредоточения польских военнопленных в Центральной России к осени 1920 г. стали Ярославская, Рязанская и Московская губернии. В этой связи многие лагеря принудительных работ переформировывались специально для принятия военнопленных.

15 сентября 1920 г. все военнопленные перешли в ведение ГУПР НКВД, в связи с чем под новые нужды были перепрофилированы два московских лагеря, Владыкинский и Рождественский. Для расформирования этих лагерей Московское управление принудительных работ 20 декабря 1920 г. организовало специальный лагерь в Сергиевом Посаде. Уголовные преступники были переведены в Звенигородский лагерь, куда позднее стали направлять и военнопленных поляков. Кроме того, для поляков были сформированы новые лагеря на ближайших подмосковных станциях Перерва, Томилино, Фаустово и Крюково. На станции Крюково военнопленные были размещены по близлежащим деревням.

К февралю 1921 г. в Москве содержалось 2 403 пленных поляка, которых объединили в 4 трудовых дружины: 1-я дружина в 418 чел. располагалась на

³⁴ С сентября 1920 г. секция стала называться Польским отделом ПУР. 1 февраля 1921 г. Польский отдел ПУР из РВСР был передан в НКВД РСФСР.

³⁵ Общая сводка политработы Польского ПУРа среди военнопленных поляков с 1 августа по 30 сентября 1920 г. 15 октября 1920 г. // Российский государственный военный архив. Ф. 9. Оп. 12. Д. 12. Л. 15 об.

территории Рождественского монастыря, 2-я и 3-я дружина численностью 1 569 чел. находилась во Владыкинском лагере, 4-я численностью 416 чел. – в лагере на станции Перерва³⁶. Данная форма организации, наподобие воинской части, была специально введена для более оптимального использования труда военнопленных. Советская власть стремилась уравнивать военнопленных с трудармейцами РККА в плане условий и оплаты труда. Как бывшие военные, поляки легко адаптировались к данной системе. Кроме того, представители младшего офицерского состава из числа тех поляков, которые были признаны политически неопасными, возглавляли отделения и роты, что положительно сказывалось на дисциплине контингента, в сравнении с ситуацией в других лагерях РСФСР. Но, несмотря на все попытки советизации командного состава дружин, поляки в большинстве своем не занимались политической агитацией среди своих земляков. В выписке из отчета о политработе среди военнопленных поляков говорилось о том, что они в «преобладающем большинстве стоят значительно ниже, как равно в политической сознательности, так и в моральном развитии»³⁷.

Продовольственное и материальное обеспечение военнопленных на территории Московской губернии было несколько лучше, чем у их земляков в губернских лагерях, хотя и столичные условия были весьма скудными и недостаточными. Как свидетельствовали сами пленные:

положение в лагерях пленных в отношении питания было очень плохим, однако проистекало это не из какой-то враждебной тенденции, а из общего скверного экономического состояния Советской России³⁸.

26 июля 1920 г. Ф. Дзержинский давал следующие указания Особому отделу ВЧК:

Обратите внимание на содержание пленных поляков. Примите меры к недопущению незаконных действий, озлобляющих их, не допустите отбирания мелких вещей и т.п.³⁹

³⁶ Телеграмма в Главное управление общественных работ и повинностей Уполномоченному по делам военнопленных поляков о составе польских дружин при Московском управлении принудработ. 24.II.1921 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 156. Л. 38.

³⁷ Выписка из отчета о политработе среди военнопленных поляков с 8-го сентября по 15-е ноября 1920 г. 15 ноября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 204. Л. 12.

³⁸ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 гг.). Документы и материалы / составитель И.И. Костюшко. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2004. С. 9.

³⁹ Цит. по: *Костюшко И.И.* Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б). 1920–1921 гг. С. 52.

В связи с этим обращением инспекции Польбюро неоднократно выезжали в московские лагеря с проверками и значительное время уделяли урегулированию мелких конфликтов (драки, избиения, кражи и др.) между администрацией лагеря и военнопленными. Несмотря на прямые указания Ф. Дзержинского о довольствии польских дружин наравне с красноармейцами, включая медицинское обслуживание, питание и др., в условиях военного коммунизма эти инструкции были мало выполнимы. Контраст в условиях содержания заметен даже на уровне Москвы и Московской губернии. В подмосковной Коломне лагерь для военнопленных был организован прямо на территории Коломенского машиностроительного завода. Из 182 пленных, завезенных туда 25 сентября 1920 г., 168 чел. болели брюшным тифом (20 заболевших скончались)⁴⁰. В Крюковском лагере на ст. Подсолнечная при плановом обследовании оказалось, что 90 % пленных полностью разуты и раздеты, отсутствует медицинская помощь, больные и здоровые находятся в одном помещении⁴¹. В Звенигородском лагере отрядами военнопленных руководили уголовники, которые избивали и обкрадывали поляков вплоть до того, что большинство пленных вынуждены были ходить босиком. Из-за непрекращающихся конфликтов администрации лагеря с военнопленными Звенигородский лагерь стал рекордсменом по побегам среди всех московских лагерей. К лету 1920 г. из лагеря сбежало 109 поляков, в результате чего в декабре этого же года оставшихся пленных расформировали по другим лагерям.

Администрация подмосковных лагерей пыталась делать ставку на военнопленных членов Польской Социалистической партии, проявлявших сочувствие к советской власти. Именно полякам-социалистам лагерное начальство доверяло больше, чем другим и предоставляло им руководящие должности. В свободное от работы время военнопленным-полякам Московской губернии разрешалось покидать территорию лагеря для того, чтобы совершить прогулку, купить продукты в магазине. Военнопленных отпускали даже на «вечеринки в деревню»⁴². Кроме того, полякам было разрешено посещать праздничные богослужения в Москве в храме Апостолов Петра и Павла в Милютинском переулке, являвшемся старейшим московским

⁴⁰ Письмо Польотдела ПУР Главному управлению принудительных работ № 938 о положении военнопленных при Московском управлении принудработ. 23 ноября 1920 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 151. Л. 90.

⁴¹ Рапорт политинструктора Крюковского лагеря от 11 ноября 1920 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 68. Л. 17.

⁴² Письмо Польотдела ПУР Главному управлению принудительных работ № 938 о положении военнопленных при Московском управлении принудработ. 23 ноября 1920 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 151. Л. 90.

католическим приходом с середины XIX в. После революции польские коммунисты организовали в соборе Польский рабочий клуб с театром и библиотекой. В 1920–1921 гг. работы по строительству и организации клуба проводились силами московских польских трудовых дружин. В рабочем клубе для военнопленных также неоднократно устраивали спектакли и митинги.

После подписания Рижского мирного договора 18 марта 1921 г. начался активный процесс репатриации военнопленных поляков из советских лагерей на родину. К лету 1921 г. были репатрированы все поляки – 34 839 чел.⁴³ Около 3 тыс. поляков из числа пленных изъявили желание остаться в Советской России.

В отличие от столичных, губернские лагеря принудительных работ отличались более мягким режимом содержания ввиду нехватки кадров в администрации и конвоиров. Еще одним отличием лагерей Московской губернии была их ярко выраженная трудовая направленность, заключающаяся в организации не только подсобных хозяйств, но и настоящих производств. В разгар Гражданской войны, зимой 1919 г. в Москве остро встала проблема отопления из-за нехватки дров. Очевидец событий – студент бывшего университета им. А.Л. Шанявского, ставшего частью МГУ в августе 1919 г., – так описывал сложившуюся в столице гуманитарную катастрофу в ноябре того же года:

Холодный ветер пронизывает большие неотапленные квартиры. В побитые стекла окон, террас пробирается ранний снег. Столетние парки гибнут под звуки топора. Сады, обнесенные резной оградой, мостики, перекинутые через каналы, разбираются идущими прохожими. Мысль о вкусной пище, о том благе, что необходимо человеку, несбыточна <...> Поисчезли все заборы, все телеграфные столбы. Ими поддерживают московские жители мало-мальски выносливую температуру в своих заледенелых квартирах. Когда идешь вечером по улице со всех сторон раздается треск: это москвичи собирают себе топливо⁴⁴.

В связи со сложившимися обстоятельствами зимой 1919 г. на подмосковную станцию Крюково были командированы первые 49 заключенных для заготовки дров и торфа для Москвы. Вновь образованный лагерь расположился на

⁴³ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 гг.). Документы и материалы. С. 12.

⁴⁴ Москва в ноябре 1919 года: Сочинения учащихся научно-популярного отделения Университета им. А.Л. Шанявского // «Российский Архив»: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. / под редакцией А.Л. Налепина. Москва: Студия ТРИТЭ Н. Михалкова: Российский Архив, 1992. Вып. II–III. С. 362–376.

территории бывшего кирпичного завода купца Ивана Карповича Рахманова. 11 декабря комендант лагеря в докладе НКВД отчитался о первой заготовленной партии дров в объеме 108 кубических сажень. Эта дата стала точкой отсчета существования в Крюково исправительного учреждения, которое до настоящего времени остается старейшей исправительной колонией Подмосковья. В 1921 г., с присоединением к лагерю заводов и других производств, образовался Крюковский трудовой район. С этого момента основной производственной деятельностью лагеря стало производство кирпича. Контингент лагеря состоял из краткосрочных заключенных, военнопленных и небольшого количества трудармейцев. К весне 1922 г. население лагеря насчитывало около 600 чел.⁴⁵ Крюковский лагерь стал первым производственным лагерем в губернии, сформированным из нескольких предприятий, с конкретно поставленным планом работ, а его комендант Василий Котлов одновременно являлся начальником Крюковского трудового района. В отчете Бюро принудительного труда (Принкуст) ГУПР НКВД к ноябрю 1922 г. Крюковский лагерь был отнесен к числу мест заключения с самым крупным производством в Московской губернии. К этому моменту на уровень самокупаемости вышли только 2 подмосковных лагеря (Крюковский и Лианозовский), заключенные которых работали на кирпичном производстве. Денег от продажи крюковского кирпича хватало на заработную плату заключенным, вольнонаемным и лицам, осужденным к принудительным работам без лишения свободы, а также на ремонт и содержание самих заводов⁴⁶. В качестве поощрения за добросовестный труд и переработки администрация лагеря в Крюково разрешала заключенным отгулы в город или домой, свободный выход с территории лагеря, предоставляла право жить на частной квартире. В связи с успехами отдельных лагерей по переходу на самокупаемость и налаживанию эффективного производства, Принкуст в 1922 г. предлагал рассмотреть возможность организации по подобию Крюковского лагеря отдельных производственных районов, где в основе будут лагеря принудительных работ, заключенные которых смогут обеспечивать как себя, так и целые территории. Ликвидация лагерной системы в ноябре–декабре 1922 г. не дала воплотиться этим планам. Тем не менее, именно производственные лагеря по сути не были ликвидированы в 1922 г., они продолжили свою работу под другими названиями: сельскохозяйственные

⁴⁵ Служебное письмо начальника охраны Крюковского лагеря в Главное управление принудработ от 17 мая 1922 г. // ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 11. Л. 151.

⁴⁶ Протокол совещания по вопросу о слиянии «Принкуста» с «Объединенным Кустом Центрэвака» 25 ноября 1922 г. // ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 9. Д. 1. Л. 1 об.

колонии, производственные колонии и др. Так, в конце 1922 г. Крюковский лагерь был преобразован в сельско-хозяйственную колонию.

Заклученные Московских лагерей, а также осужденные к принудительным работам без лишения свободы участвовали в строительстве первенца ГОЭРЛО – Каширской ГРЭС. Из откомандированных заключенных Покровского и Кожуховского лагерей Москвы в 1921 г. был сформирован Каширский лагерь принудительных работ. Строительство Каширской ГРЭС стало первым опытом привлечения заключенных к возведению объектов республиканского масштаба. После 1929 г. заключенные участвовали в подобных стройках регулярно. Каширская ГРЭС по своей значимости стоит в одном ряду с Днепрогэсом, знаменуя новую эпоху энергетических гигантов, ставших символами новой экономической политики и промышленного возрождения страны. Сами заключенные Каширского лагеря с воодушевлением высказывались о своей работе, а начальник Каширстроя – главный инженер Г.Д. Цюрупа – хлопотал об устройстве работников, предлагая заключенным перебраться из бараков в отдельные вагончики с койками вместо нар⁴⁷. Партии заключенных направлялись на строительство ГРЭС для конкретных работ, после чего возвращались в лагерь, поэтому у Каширского лагеря не было постоянного контингента.

К 1922 г. ГУПР НКВД (как и ГУЛАГ в скором будущем) стал по сути хозяйственным ведомством, обладавшим как людскими ресурсами в виде заключенных, так и собственным весьма обширным имуществом, сдаваемым в аренду. Так, в феврале 1922 г. между Каширстроем и ГУПР был составлен договор об аренде всех помещений Кожуховского лагеря ввиду начала строительства Кожуховской подстанции ГРЭС. Принкуст и ГУПР в многочисленных обращениях настаивали, чтобы все расходы по содержанию заключенных, занятых на строительстве ГРЭС, обеспечивал Каширстрой. В число издержек входили как обеспечение заключенных жильем, в том числе квартирами, провизией, инструментом, так и их проезд от Покровского и Кожуховского лагерей до мест работы и обратно, сопровождение во время перемещения, выдача заработной платы (25 % от обычной ставки вольнонаемного рабочего) и т.д. При таких условиях Каширстрою становилось совершенно невыгодным использование на строительстве заключенных, и в 1922 г. организация, в силу убыточности заключенного договора, отказалась от сотрудничества с ГУПР.

После значительного наплыва военнопленных поляков в московские лагеря в 1920 г., во избежание смешивания разных групп заключенных, было принято

⁴⁷ Докладная записка Заведующему Московским управлением лагерями принудительных работ. Вардиели. 29 февраля 1920 г. // ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 1 а. Д. 8. Л. 32.

решение о выведении всего контрреволюционного элемента в губернию. Для этого предполагалось открыть сразу несколько лагерей: в Казанском монастыре в селе Головино (в настоящее время территория Москвы, Головинский район), Зосимовском монастыре Верейского уезда, Хотьковском монастыре Сергиевского уезда и Влахерновском монастыре Дмитровского уезда. По результатам многочисленных обследований данных мест оказалось, что ни один из монастырей не подходил для размещения в них лагерей. Единственное место, где представилась возможность разместить заключенных, оказался Черниговский Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде. В декабре 1920 г. сюда завезли 146 осужденных за контрреволюционные преступления, остальных контрреволюционеров вывезли в северные лагеря Архангельской губернии.

Заключение

С конца 1921 г. принцип самокупаемости и извлечения прибыли из труда заключенных стал основополагающим для всех лагерей в Советской России. Лагеря, которые, не являясь производственными по своей сути, выполняли лишь функцию концентрации, стали закрываться, а оставшиеся все больше походили на рабочие артели. Начали появляться первые крупные лагерные производственные центры, связанные в первую очередь с лесной, торфяной и угольной промышленностью. Именно производственные показатели лагерей, а главное гибкость самой лагерной системы как подрядчика, который может взяться за разные типы работ (как физическую, так и умственную), подвели главу ГПУ Ф.Э. Держинского в конце 1922 г. к идее колонизации незаселенных пространств России лагерным способом. Держинский видел в лагерях не просто места заключения, но инструмент по изменению социальных инстинктов представителей тех классов, которые по своей природе еще не были ориентированы на социалистическое строительство. В августе 1923 г., предвкушая скорое открытие Соловецкого лагеря особого назначения, Держинский писал своему заместителю по ГПУ Уншлихту:

Я уверен, что будь Владимир Ильич у руля, он был бы за это предложение (колонизацию незаселенных мест лагерями. – *И. У.*), а может быть, пошел бы еще дальше. Пришло время, когда мы можем вести борьбу и без высшей меры. Это было бы большим оружием в руках коммунистов за границей для привлечения интеллигентских и мелкобуржуазных масс⁴⁸.

⁴⁸ Ф.Э. Держинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / составители А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. Москва: МФД: Материк, 2007. С. 491.

Идея производственного использования лагерей приобрела в СССР поистине грандиозный размах, что оказало колоссальное влияние не только на советскую экономику, но и на культуру повседневности всего советского общества.

Московские губернские лагеря сыграли в развитии новой лагерной системы не последнюю роль. Успешный опыт производства Крюковского лагеря, а также участие заключенных в одной из первых масштабных строек Советской России – возведении Каширской ГРЭС, давали широкую перспективу в использовании принудительного труда по всей стране. Труд заключенных московских губернских лагерей активно использовался не только на физических работах, но и в интеллектуальной сфере. Таким образом, к началу 1920-х гг. иерархия лагерного социума стала складываться по отраслевому принципу, где заключенные имели возможность использовать свои профессиональные навыки. В дальнейшем, подобный принцип стал применяться во всей пенитенциарной системе СССР. Последние лагеря Московской губернии, как и остальные лагеря РСФСР, были закрыты в 1922 г.: одни были полностью расформированы, другие – продолжили свое существование в виде сельскохозяйственных и трудовых колоний.

С 1923 г. вновь создаваемые лагеря размещали преимущественно на Русском Севере, где в последующие годы сформировался огромный лагерный мир.

Introduction

The historiography of the camp system which existed in the territory of Soviet Russia in 1918–22 is not as extensive as that of the Stalinist period. The literature related to this topic is often fragmentary or more focused on regional studies. The first researches who directed their attention to the forced labor camps were Russian émigré scholars who based their work on personal memories, their own impressions, and even rumours¹ because of the lack of any representative source base. For example, S. Mel'gunov, a well-known historian and essayist who was imprisoned and left Russia in 1922, published his work *Krasnyi terror v Rossii* [Red Terror in Russia] in 1923 in Berlin.² It was the first work that provided some disparate data on the Russian camp system of that period based on Mel'gunov's own observations and

¹ R. Vaucher, *L'enfer bolchevik: à Pétrograd sous la commune et la terreur rouge* (Paris: Perrin Et Cie, 1919).

² S.P. Mel'gunov, *Red Terror in Russia* [in Russian] (Moscow: Veche, 2017).

recollections of other prisoners. Mel'gunov cited the materials on the concentration camps of the RSFSR from the collection of memoirs related to the Red Terror *ChE-KA. Materialy po deyatel'nosti Chrezvychainykh komissii* [The Cheka. Materials on the Activities of the Extraordinary Commissions] published in Berlin in 1922 by the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party.³ Many of its authors chose to publish their work under pseudonyms for security reasons.

The first and currently the only serious analytical study of the social stratum of Soviet camps in 1918–22 was conducted by N. Chebyshev in his article “An experiment in statistical processing of some data on the people held in concentration camps,” which was published in 1922.⁴ This work was based on the data obtained from the study of 21 000 personal cards of prisoners. In addition, Chebyshev provided statistics on the percentage of prisoners in the camps put there as a result of criminal or administrative enforcement.

Before 1991, the topic of concentration camps was not brought up historical literature of the USSR at all. At the same time, historical studies published abroad touched on the subject of concentration camps in the USSR, usually indirectly, in the context of the Red Terror policy and the Civil War.⁵ A specific feature of those works was their insufficient source base based mainly on memoirs or recollections.

In the post-Soviet period, interest in the topic of Soviet concentration camps among the historical community began to increase. In the 1990s, various collections of documents with commentaries and scholarly articles began to be published both in Russia and abroad, detailing the Bolshevik punitive policy of the early years of Soviet rule.⁶ Especially noteworthy are the works of Russian and Polish historians, which mostly dealt with the repatriation of prisoners of war who found themselves in Russian concentration camps during the Polish–Soviet War (1919–21).⁷ By the

³ *The Cheka. Materials on the activities of the Extraordinary Commissions* [in Russian] (Berlin: Novaya Rossiya, 1922).

⁴ N. Chebyshev, “An experiment in statistical processing of some data on the people held in concentration camps” [in Russian], *Vlast' Sovetov. Organ Narodnogo komissariata vnutrennikh del.* 1922, no. 4–6 (1922): 49–53.

⁵ M. Heller, *The world of concentration camps and Soviet literature* [in Russian] (London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1974); L. Zorin, *Soviet prisons and concentration camps: An annotated bibliography, 1917–1980* (Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1980); P. Kenez, *Civil War in South Russia, 1919–1920. The Defeat of the Whites* (Berkeley: University of California Press, 1977); et al.

⁶ A.I. Kokurin and N.V. Petrov, comps., *GULAG: Chief Administration of Camps. 1918–1960* [in Russian] (Moscow: MFD, 2000); *Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels*, trans. G. Moullec, N. Werth (Paris: Gallimard, 1994).

⁷ I.I. Kostyushko, *From the history of Soviet-Polish relations. Polish Bureau of the Central Committee of the RCP(b). 1920–1921* [in Russian] (Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2005); Z. Karpus and S. Alexandrowicz, comps., *Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli*

mid-2000s, domestic historiography had developed three independent directions in the study of the subject. The first direction, the legal one, which examined the Bolshevik concentration camps from the perspective of criminal and administrative law, was represented in the works of M. Detkov and E. Gilyarov.⁸ The second direction, the historical one, was reflected in the works of G. Ivanova and A. Litvin,⁹ who considered the history of forced labor camps from the perspective of the history of the Soviet penitentiary system and the general history of repression in the USSR. The article by S. Brazevich on the history of social stratum of the camps published in 2017 should also be included in this second group.¹⁰ In this work, the author supplemented Chebyshev's statistical data from 1922 with his own research.

Finally, the third direction, which is currently the youngest one, is local history. This direction, which is in most demand today, is represented by many regional historical studies aimed at studying concentration camps and camp groups in a certain region based on the materials of regional archives.¹¹ Of particular interest are the works of A. Kubasov and T. Mel'nik that are devoted to the history of concentration camps in the Russian North, namely in Arkhangelsk Governorate because it was on the basis of these camps that the famous Solovetsky Special Purpose Camp of the OGPU appeared in 1923. It became the prototype of future Gulag camps of the

(1919–1922). *Dokumenty i materialy* (Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995).

⁸ M.G. Detkov, *The essence of the penitentiary policy of the Russian state and its implementation in the system of execution of criminal punishment in the form of imprisonment in the period between 1917 and 1930* [in Russian] (Moscow: RIPK rabotnikov MVD RF, 1992); E.M. Gilyarov and A.V. Mikhailichenko, *Formation and development of corrective labor institutions of the Soviet state (1917–1925)* [in Russian] (Domodedovo: VIPK MVD SSSR, 1990).

⁹ G.M. Ivanova, *The History of the Gulag, 1918–1958: Socio-economic and political-legal aspects* [in Russian] (Moscow: Nauka, 2006); A.L. Litvin, *Red and White Terror in Russia. 1918–1922* [in Russian] (Moscow: Eksmo, Yauza, 2004).

¹⁰ S.S. Brazevich, “Historical sociology of revolutionary violence: concentration camps as an organized form of violence during the Civil War” [in Russian], in *Lessons of October and the practice of the Soviet system. 1920–1950s: proceedings of the 10th International Scientific Conference (Moscow, December 5–7, 2017)*, ed. J. Baberowski et al. (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, 2018), 728–37.

¹¹ I.N. Kamardin, “Forced labor camps in Volga Region during War Communism” [in Russian], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (33) (2013): pt. 1, 95–98; I.B. Belova, “Concentration camps of forced labor in Soviet Russia: 1919–1923” [in Russian], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (38) (2013): pt. 1, 32–37; T.M. Znak, *Love in Concentration Camp No. 1 of the city of Yekaterinburg* [in Russian] (Yekaterinburg: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2021); et al.

USSR.¹² This period is also characterized by an almost complete decline in interest in the subject of the camps of the early years of Soviet power among foreign historians, who have switched their attention to the study of Stalinist repression. A number of foreign researchers considered Soviet concentration camps only by way of example as part of the general Western trend of camp subculture in Europe and America.¹³

This study uses archival materials from the fonds of the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR (F. R-393) and the Chief Administration of Places of Detention of the NKVD of the RSFSR (F. R-4042) in the State Archive of the Russian Federation. The author also referred to the documents of the fonds of the Council of People's Commissars of the RSFSR (F. 19), the Polish Bureau of Propaganda of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) (F. 63), and the materials of the personal fonds of Felix Dzerzhinsky (F. 76) stored in the Russian State Archive of Socio-Political History. The study also made use of the materials of the Political Department of the Workers' and Peasants' Red Army from the collection of the Russian State Military Archive (F. 9). In addition to the documents from state archives, sources of personal origin, memoirs and letters were also used, many of which were re-published in 2010 in the collection *Red Terror in Moscow*.¹⁴

Main body

The institute of concentration camps in Soviet Russia as a form of mass incarceration of class opponents evolved from the concentration camp system for prisoners of war of World War I. The first POWs in Russia appeared as early as in autumn 1914, when about 100 000 Austrian soldiers surrendered to the Russians as a result of the Battle of Galicia. It is likely that the largest transit camp in Moscow was also opened at that time in the village of Kozhukhovo near the Simonov Monastery. According to the correspondence of the VChK with the commandant's office of the Moscow forced labor camp for 1919, 1.5 million POWs passed through the

¹² A.L. Kubasov, *Extraordinary Commissions for combating counterrevolution in Northern European Russia (March 1918 – February 1922)* [in Russian] (Moscow; Vologda: Poligrafist, 2008); T.F. Mel'nik, "About the first Soviet forced labor camps in the Arkhangelsk North (an attempt of systematization of sources and literature)" [in Russian], in *The 19th Lomonosov International Scientific Readings: Collection of scientific papers*, comp., P.S. Zhuravlev and O.A. Podoplekin (Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2008), 88–106.

¹³ J. Kotek and P. Rigoulot, *The century of the camps. Detention, concentration, extermination. One hundred years of atrocities* [in Russian], trans. E. Murashkintseva, N. Malykhina, and Yu. Rozenberg (Moscow: Tekst, 2003).

¹⁴ S. Volkova, comp., *Red Terror in Moscow: eyewitness accounts* [in Russian] (Moscow: Airis-press, 2010).

Kozhukhovskiy concentration camp in the period between 1914 and 1919.¹⁵ The camp was situated in the immediate vicinity of the railway station of Kozhukhovo of Moscow Encircle Railway, through which trains with POWs were transported to various Moscow railway stations and then sent to permanent camps from there. Being the country's largest transport hub with a well-developed railway network, Moscow continued to serve as a distribution center in later years as well.

After the Treaty of Brest-Litovsk was signed on March 3, 1918, mass repatriation of prisoners of war from the RSFSR began. In order to organize such a large-scale process, on April 23, 1918, the Central Collegium for POWs and Refugees or Tsentroplenbezh (the Centre for Evacuation of Population or Tsentrevak from February 1920) was established under the leadership of Józef Unszlicht, who was a close associate of Felix Dzerzhinsky and a member of the board of the NKVD of the RSFSR.¹⁶ It was the Tsentroplenbezh that was responsible for all concentration camps in the country at that time. The Tsentroplenbezh was responsible for maintaining the camps and managing prisoners of war, which included managing their housing and work placement, including work under contracts with requesting organizations, cultural and educational activities, etc. The functions of the Tsentroplenbezh were similar to those of its successor, the Chief Administration of Forced Labor (hereinafter GUPR) of the NKVD, which in turn became the prototype of the future Gulag. Consequently, camp culture in Russia is characterized by a continuous development from the first camps for POWs to the camps of the VChK and the NKVD of the RSFSR and on to the corrective labor camps of the Gulag system.

On the eve of the Red Terror, on June 18, 1918, at a meeting of the Tsentroplenbezh, the presiding commission headed by Unszlicht was forced to state the fact of extreme overpopulation of the camps of Moscow and Moscow Governorate, particularly the camps in Kaluga and Vyazma, by foreign prisoners of war.¹⁷ In view of the lack of elaborate methods and means, the only way out of this situation was to continue transferring POWs from Moscow to the regions.

¹⁵ "Perepiska nachal'nika Kozhukhovskogo lagerya s VChK o khode rabot po organizatsii lagerya ot 20.VIII.1919 g." [Correspondence between the chief of the Kozhukhov concentration camp and the Cheka about the progress in organizing the camp as of August 20, 1919]. F. P-393, op. 89, d. 15b, l. 24. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

¹⁶ *Decrees of the Soviet Power* [in Russian], vol. 2, *March 17 – July 10, 1918* (Moscow: Politizdat, 1959), 165–67.

¹⁷ "Protokol zasedaniya Tsentral'noi kollegii o plennykh i bezhentsakh. P. 4. O dal'neishei rabote po razgruzke Moskvy ot voennoplennykh i grazhdanskikh plennykh. 18 iyunya 1918 g." [Minutes of the meeting of the Central Committee for POWs and Refugees. P. 4. On further work on freeing Moscow from prisoners of war and civilian prisoners. June 18, 1918]. F. P-3333, op. 2, d. 11, l. 63. GARF.

The first wave of repatriation of prisoners of war began even before the actual signing of the peace treaty. In the winter of 1918, the camps of the Tsentropnenbezh began to be vacated. It was at this time that the institute of camps in Russia was given a new impetus for development. In the summer of 1918, the Cheka began to set up its own camps intended for the opponents of Soviet power in the vacated camps for prisoners of war. In April 1918, the Central Punitive Department (the TsKO) was formed within the People's Commissariat of Justice of the RSFSR. It issued an instruction on the management of all places of detention in the country. The main principles of the new system were self-sufficiency and reeducation of prisoners. The principle of self-sufficiency led directly to the idea of using forced labor in order to create a life-support system for both camps and prisons.

In the autumn of 1918, the Cheka received a legal justification for its actions. In response to "White Terror," the resolution of the Sovnarkom "On Red Terror" was issued on September 5, 1918.¹⁸ In the resolution, it was explicitly stated, "It is necessary to secure the Soviet Republic against class enemies by isolating them in concentration camps." It is important to note that in terms of organizing concentration camps, the governorate Cheka departments were given complete freedom. No approval from the center was required in order to organize a camp; the camps could be organized solely by the decision of the regional body. In the beginning, the camp system in Soviet Russia was spontaneous and even chaotic. Felix Dzerzhinsky, the inspirer of the camp system, fundamentally differentiated between prison sentence by court decision and camp confinement by administrative sentence. In the nearest future, camps were to become "schools of labor," where the principle of reeducation of prisoners would be carried out through the performance of labor duty. This idea was reflected in the name of the camps, which from spring 1919 were referred to as the camps of forced labor. Nevertheless, the term "concentration camp" was often used in the records of the Cheka and the NKVD of the RSFSR. It became permanently established in Soviet documents and was applied to the corrective labor camps of the Gulag system until 1937.

In April 1919, the NKVD of the RSFSR began to be involved in the organization of camps. The formation of the system of concentration camps was entrusted to M. Kedrov, a member of the Collegium of the VChK. It was Kedrov who turned the uncoordinated system of camps in existence in 1919 into a full-fledged penitentiary system. On May 17, 1919, the Department of Forced Labor (OPR) was established within the Commissariat and soon it was renamed the Chief Administration of Forced

¹⁸ "Postanovlenie SNK po bor'be s kontrrevolyutsiei ot 5 sentyabrya 1918 g." [Resolution of the Councils of People's Commissars on combating counterrevolution as of September 5, 1918]. F. 19, op. 1, d. 192, l. 10. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), Moscow, Russia.

Labor (GUPR).¹⁹ On May 24, the Central Committee for POWs and Refugees was transferred from the People's Commissariat for Military Affairs to the NKVD. From this time forth, all the camps set up by the Cheka were placed under the jurisdiction of the OPR/GUPR.

The first Soviet concentration camps in Moscow began to appear in 1918. The famous Moscow monasteries were to house them. Among them were the Rozhdestvensky Monastery, Ivanovsky Convent, Intercession (Pokrovsky) Monastery, Novospassky Monastery, and Andronikov Monastery. The ruined and devastated cloisters were very quickly converted into places of mass detention.

In the early years of Soviet power, nine concentration and forced labor camps and one labor house for minors were established in Moscow (within the city borders of 1917). Nine camps and five agricultural labor colonies were also set up in Moscow Governorate. In 1919, Detskiy Gorodok [Children's Town], a camp for "morally defective" children aged 10 to 17 started to function in Zvenigorod.

Until the middle of 1919, the camps in Moscow Governorate were subordinated to different institutions, which had a negative effect on their supply and operation. On May 21, 1919, the chief of the Special Section of the Cheka M. Kedrov reported to the NKVD commission on the condition of the forced labor camps in Moscow, some of which were under the control of the Tsentroplenbezh of the People's Commissariat for Military Affairs at that time. The main message of the report was to point out the total inability of the Tsentroplenbezh to organize proper guarding of the camps and therefore to ensure order and regime. On the basis of this report, the commission decided "to subordinate the camps of the Tsentroplenbezh to the Department of Forced Labor in the sense of their administrative use, applying the general instruction to them."²⁰ From that moment on, all Moscow camps were placed under the supervision of the OPR of the NKVD of the RSFSR while the Cheka retained the decisive right to organize new camps and close the existing ones.

The contingent of all camps in the RSFSR was regulated by the secret order of the VChk, "On Red Terror" as of September 2, 1918. According to it, the most active and influential opponents of the Soviets (the Mensheviks and the Social Revolutionaries) were to be imprisoned. At the same time, those class enemies who did not pose a serious threat and were not active opponents of the new regime were to be sent to concentration camps. People with "inacceptable" background (bourgeois, landowners, factory owners, merchants, clergymen, monks, and officers who had laid

¹⁹ From September 1920 to February 1921 the Chief Administration of Forced Labor (GUPR) was temporarily renamed the Chief Administration of Public Works and Labor Service. The GUPR was finally abolished on October 12, 1922.

²⁰ "Protokol № 19 zasedaniya Kollegii NKVD. P. 3. O lageryakh Tsentroplenbezha" [Minutes no. 19 of the meeting of the NKVD Collegium. P. 3. On the camps of the Central Committee for POWs and Refugees. May 21, 1919]. F. R-393, op. 1, d. 19, l. 121. GARF.

down their arms) were sent to concentration camps. According to prisoner A. Bekren'ev, “aristocratic origin itself was considered a grave crime against the Soviet power.”²¹ The aforementioned order stipulated the necessity of compulsory forced labor for prisoners and prescribed strict suppression of any attempts of disturbances and riots. It was stated that “at any attempt to get organized, to raise a rebellion, or to attack the guards, one must be immediately shot.”²² Compulsory forced labor for concentration camp prisoners looked like a form of class retribution and a form of humiliation for the former exploiters. The wording of the official document “to force these gentlemen to work under guard” reflects complete neglect and disgust of the Soviet authorities towards the former upper class of the capitalist society. Being deprived of status, money and power, landowners, factory owners, and titled aristocracy found themselves so helpless, pathetic, and unthreatening to the gains of the revolution that they were not even worthy of imprisonment along with the inveterate counter-revolutionaries.

Moscow held a special strategic position in the country, which is why at the initial stage it was the place where all political prisoners who had not been imprisoned due to various circumstances were gathered. According to the report by the NKVD of the RSFSR for 1921, all camps in the country were divided into the following types:

(1) Special purpose camps (e.g. Andronikovskiy and Ivanovskiy concentration camps in Moscow), which contained the categories of prisoners that were most dangerous from the authorities' point of view;

(2) General concentration camps;

(3) Production camps, which were factories, industrial plants, agricultural enterprises, etc.;

(4) Concentration camps for prisoners of war in the form of labor brigades, with a military organization;

(5) Distribution camps in major centers, through which prisoners passed while awaiting transportation to the place of serving punishment.²³

In 1922, the journal *Vlast' Sovetov. Organ Narodnogo komissariata vnutrennikh del.* [The power of the Soviets. The Organ of the People's Commissariat of Internal Affairs] published an analytical article by N. Chebyshev. The author presented statistics based on an analysis of 21 000 personal cards of prisoners of concentration camps in the RSFSR. According to this study, between 1919 and 1921, the number of

²¹ A. Bekren'ev, “Traits of prison life” [in Russian], in Volkova, comp., *Red Terror in Moscow: eyewitness accounts*, 223.

²² Kokurin and Petrov, *GULAG: Chief Administration of Camps*, 14.

²³ “Spravka-kharakteristika kotsentratsionnykh lagerei, podchinennykh Glavnomu upravleniyu prinuditel'nykh rabot NKVD RSFSR ot 17.IX.1921 g.” [The reference with characteristics of concentration camps subordinated to the Chief Administration of Compulsory Work of the NKVD of the RSFSR as of September 17, 1921]. F. 393, op. 13, d. 1 v, l. 112. GARF.

criminal convictions and administrative decisions on imprisonment in a concentration camp was almost equal in Soviet Russia: 44.6% and 54.4% respectively.²⁴ Thus, the majority of all prisoners serving sentences for counter-revolutionary crimes in concentration camps in the RSFSR (including concentration camps of Moscow) were sent to camps under the administrative procedure.

By 1919, the network of Moscow camps had become so extensive that the NKVD was forced to create a separate Moscow Administration of Forced Labor Camps, which was part of the GUPR system. In addition, in order to vacate places in Moscow camps, new camps and camp stations began to be formed in Moscow Governorate. Moscow was a major distribution point, from where prisoners were sent to the regions, including Moscow Governorate. In 1919, the first two camps were established in the villages of Vladykino and Kozhukhovo near Moscow Encircle Railway and became the largest camps in the entire governorate. At the same time, smaller concentration camps were opened in Sergiev Posad, Orekhovo-Zuyevo, and in the nearby town of Pokrov in Vladimir Governorate in order to reduce the contingent in Moscow camps. In 1921, another category of camps, the production camps, began to function near the railway stations of Kryukovo, Lianozovo, Pererva, Kudinovo, and Snegiri. A little bit earlier, in 1920, special camps for Polish prisoners of war were established near the railway stations of Podsolnechnaya and Tomilino.

A separate and very large category of prisoners in the camps of Moscow Governorate were hostages. They began to appear in the region en masse in the autumn of 1918. This category included various groups of people, from ordinary peasants to members of different parties and officers. The phenomenon of hostage-taking was the Bolsheviks' response to direct threats to the new state order, which could not be removed in the short term. Using terrorist methods and taking hostages, the Bolsheviks tried to secure their power and influence their opponents, first and foremost, the leaders of the White movement. When their own security was threatened, the Soviets used harsh measures against the hostages, including shootings. In the summer of 1919, the Bolsheviks' large-scale actions on hostage-taking were connected to the offensive of A. Denikin's army in southern Russia and to the fight of the Baltic Landeswehr in Latvia. Special trains with hostages began to arrive in Moscow from Ukraine, the Don and Kuban, and from the western regions Russia.

For example, on July 24, 1919, Princess Tatyana Kurakina and her son were transported from Kiev to Moscow as hostages. Princess Kurakina was one of the most famous camp prisoners of that period. She left detailed memories about several Moscow camps. Princess Kurakina and her son were initially sent to the Kozhukhovskiy camp near Moscow, which became their first transit point:

²⁴ Chebyshev, "An experiment in statistical processing of some data," 53.

Upon arrival at the Kozhukhovskiy concentration camp, we were warned that we were placed there only temporarily. On August 7, we were sent to our present place of residence in the Andronikov Convent, which had been transformed into a concentration camp.²⁵

Because of the transit nature of its camps mentioned above, Moscow became the largest point for concentration of hostages from all over the country. While staying in Rostov-on-Don in the south of Russia in 1919, Nikolai Astrov, the former mayor of Moscow under the Provisional Government, wrote that 30 000 hostages were concentrated in Moscow:

You don't have to wonder about their fate. They will perish as soon as the Liberation Army (the Volunteer Army of A. Denikin – *I. U.*) approaches Moscow. The examples of the cities of Odessa, Kiev, Kharkov, the atrocities committed in all cities and towns testify to this.²⁶

Relatives of the activists of the White movement or opposition political parties belonged to one of the most vulnerable categories of hostages, which usually included wives and children of officers and officials. Memoirs of prisoners from that period describe instances of shooting women and children from Moscow prisons and camps,²⁷ but no documentary evidence has been found so far.

In June 1919, an experimental camp for “morally defective” children between 10 and 17 years of age was organized in the town of Zvenigorod near Moscow. It was located in the grounds of the Savvino-Storozhevskiy Monastery in order to isolate the children as much as possible and to prevent them from free contact with the outside world. The problem of homelessness in Soviet Russia turned into a social catastrophe. By the end of the Civil War, there were up to 7 million homeless children.²⁸ The disruption of traditional ways of life, mass disintegration of families, a series of incessant military and civil conflicts that began in 1914, and the destruction of state welfare institutions triggered an unprecedented increase in homelessness. Unable to support themselves on their own in the countryside, children migrated to big cities, where they occupied a low-level niche in petty services and retail, and often begging and domestic crimes. The issue of children's

²⁵ Princess T.G. Kurakina, “Memoirs, 1918–1921” [in Russian], in Volkova, comp., *Red Terror in Moscow: eyewitness accounts*, 177.

²⁶ N.I. Astrov, “The situation with the Russian intelligentsia in Soviet Russia” [in Russian], in Volkova, comp., *Red Terror in Moscow: eyewitness accounts*, 276.

²⁷ D. Sidorov, “In the Butyrka prison” [in Russian], in Volkova, comp., *Red Terror in Moscow: eyewitness accounts*, 249–51.

²⁸ N. Ryabinina, “On the affairs of the ‘Morally defective.’ Juvenile homelessness and delinquency in the Upper Volga region in the 1920s” [in Russian], *Rodina*, no. 11 (2011): 99.

homelessness was first addressed in 1918 in the decree “On the Commissions for the Affairs of Minors,” which banned imprisonment for children and adolescents. The decree also introduced special Commissions for the Affairs of Minors under the People’s Commissariat for Public Welfare to deal with the cases connected to juvenile delinquency. From that moment on, the professional medical community began to deal with the problems of the “moral defectiveness” of children, which mainly meant any antisocial behavior.

In the summer of 1920, the First All-Russian Congress on Social and Legal Protection of Minors headed by V. Bekhterev, V. Kashchenko, and G. Rossolimo was held in Moscow. The psychiatrists suggested that a network of special medical institutions, sanatoria, and closed colonies should be established in the country to solve the problem of educating troubled teenagers. They also advocated abolishing the detention of children and keeping them in custody together with adults, which was a violation of legislation at the time. As a result of the congress, juvenile social inspectorates were created. During this period, a number of legal decisions were made, resolutions of the All-Russian Central Executive Committee were adopted, and a number of commissions (including the Commission for the Improvement of Children’s Lives (most commonly referred to as the Children’s Cheka) were formed. However, real steps to eliminate homelessness were taken by the OGPU and the militia only in the late 1920s. These steps were not taken without certain extremes, since these bodies took the task literally and in 1927 they started a campaign to remove all children from the streets and send them to orphanages.

The very “morally defective children” entered the everyday life of post-revolutionary Russia. In 1918, the State Institute of Morally Defective Children was opened in Petrograd. Similar institutes and orphanages were subsequently opened in other cities. In total, 58 orphanages were organized in the RSFSR in 1919.²⁹ The camp for children in Zvenigorod stood out among other institutions for restraining the uncontrolled growth of homelessness and juvenile delinquency because it was part of the GUPR system of the NKVD and forced labor was viewed there as a mandatory measure of pressure and reeducation. The premises of the camp were designed for 700 people, but in reality no more than 40 children were held there. In the grounds of the former Savvino-Storozhevsky Monastery, which was adapted to serve the needs of the camp, teachers and educators from the MONO³⁰ worked with the children. In addition, the camp also housed adult prisoners transferred from the Pokrovsky camp in Moscow. They worked in poorly adapted and insufficiently

²⁹ Ryabinina, “On the affairs of the ‘Morally defective’,” 100.

³⁰ Moscow Department of Public Education.

equipped workshops designed to serve the needs of the camp.³¹ The children were not officially called prisoners in the camp (they were referred to as pupils), and their forced labor was considered to be labor education (scheduled to last from 14:00 to 17:00 in the workshops). In the documents, the camp was sometimes referred to as *Lager'-gorodok* [the Camp Town]. Due to the special status of the penitentiary, there were no warders at the camp. Instead, children were supervised by educators, who held training sessions and psychological counseling and always slept in the same premises with the children. In addition to the educators, a medical assistant was stationed at the camp, but there was “no medicine” at all, so all the sick children were taken to the hospital in Zvenigorod. They were admitted to the hospital only “after repeated requests and promises not to send any more children”³² in the future. The exact number of pupils who were sent to the camp is difficult to ascertain due to their constant removability. As members of the staff pointed out, there were regular mass escapes from the camp, which were accounted for by the shortages of staff and by the “moral defectiveness” of the children. These were the same reasons that the commandant of Zvenigorod camp cited in his report in order to explain intentional destruction of equipment by the pupils in protest against work as well as quarrelling, fights, gambling, and so on. In his analysis of the work of the camp, the commandant made an unconsoling conclusion:

There are no educators who are capable of steadily enforcing the methods of reeducation of the juvenile pupils of the Sukharevsky Market and the Smolensky Market.³³

The experiment of organizing such a camp town was a complete failure. The analysis of the functioning of this institution showed how great was the difference between the medical reports, the legal acts, and the reality. The children had no desire to work or to be reeducated; petty crime such as speculation in food and clothing thrived in the monastery grounds; malnutrition of the pupils had a negative impact on their behavior; training sessions were not regular. As a result, in 1920, children were transferred to Moscow orphanages and the camp in Zvenigorod was transformed to contain Polish prisoners of war and then to imprison criminal offenders. The next, more successful experience in the labor correction of young

³¹ “Doklad komendanta Zvenigorodskogo kontsentratsionnogo lagerya v Otdel prinuditel'nykh rabot pri Narkomvnutdel o polozhenii v Zvenigorodskom lagere-gorodke. 9 marta 1920 g.” [Report of the commandant of the Zvenigorod concentration camp to the Department of forced labor under the People’s Commissariat for Internal Affairs on the situation in the camp town of Zvenigorod. March 9, 1920]. F. 393, op. 89, d. 90, l. 2. GAFR.

³² Ibid., l. 5 ob.

³³ Ibid., l. 6.

offenders in Moscow Governorate were the colonies and communes, the best known of which is the Bolshevsk Labor Colony (the Bolshevsk Commune) established by the OGPU in 1924.

The camps in Moscow Governorate were considerably affected by the Lithuanian–Soviet War (1918–19) and the Polish–Soviet War (1919–21). On July 19, 1920, the Polish Section headed by Felix Dzerzhinsky was established under the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) to deal with the Red Army's offensive and the attempted Sovietization of Poland. All political work on prisoners of war was entrusted to the Polish Section of the Political Department of the Revolutionary Military Council of the Republic (RVSR PUR), which was formed on August 15, 1920.³⁴ According to the report of the Polish Section of the PUR as of 15 October 1920, 29 362 Polish prisoners of war were registered in 40 camps.³⁵ Due to the ever-increasing number of POWs, many camps in Russia and in Ukraine were overcrowded with Polish contingent. The largest centers of the concentration of Polish prisoners of war in Central Russia by the autumn of 1920 were the governorates of Yaroslavl, Ryazan, and Moscow. Therefore many forced labor camps were reformed specifically to accept POWs.

On September 15, 1920, all prisoners of war fell under the jurisdiction of the Chief Administration of Forced Labor of the NKVD. As a result, two camps in Moscow, the Vladykinsky concentration camp and the Rozhdestvensky concentration camps, were redesigned to serve new needs. In order to organize the disbanding of these two camps, on December 20, 1920, Moscow Administration of Forced Labor organized a special camp in Sergiev Posad. Criminal offenders were transferred to the camp in Zvenigorod, where Polish prisoners of war also began to be sent later. In addition, new camps were set up for Polish prisoners of war close to the railway stations of Pererva, Tomilino, Faustovo, and Kryukovo near Moscow. At the railway station of Kryukovo, the prisoners of war were placed in the nearby villages.

In February 1921, there were 2 403 Polish prisoners of war in Moscow. They were united into four work brigades. The first brigade of 418 people was stationed at the Rozhdestvensky Monastery. The second and the third brigades (1 569 people in total) were stationed at the Vladykinsky concentration camp. The fourth brigade of

³⁴ In September 1920, the section became known as the Polish Section of the Political Department of the Revolutionary Military Council (PUR). On February 1, 1921, the Polish Section of the PUR was transferred from the Revolutionary Military Council to the NKVD of the RSFSR.

³⁵ “Obshchaya svodka politraboty Pol'skogo PURa sredi voennoplennykh polyakov s 1 avgusta po 30 sentyabrya 1920 g. 15 oktyabrya 1920 g.” [General summary of the political work by the Polish PUR among the Polish POWs for the period between August 1 and September 30, 1920. October 15, 1920]. F. 9, op. 12, d. 12, l. 15 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive], Moscow, Russia.

416 people was positioned in the camp near the railway station of Pererva.³⁶ This form of organization, similar to that of a military unit, was deliberately introduced in order to make better use of the POWs' labor. The Soviet authorities tried to equalize the prisoners of war with the Red Army soldiers in terms of working conditions and pay. As former military men, the Polish prisoners of war adapted easily to this system. Moreover, junior officers from among those Poles who were considered non-threatening from the political point of view even headed sections and companies, which had a positive effect on the discipline of the contingent compared to the situation in other camps in the RSFSR. However, despite all attempts to sovietize the command staff of the brigades, the majority of Poles were not engaged in political agitation among their compatriots. In an extract from the report on the political work among the Polish prisoners of war, it was stated that “in the prevailing majority they stand far below, both in political consciousness and in moral development.”³⁷

The food and material provision of POWs Moscow Governorate was somewhat better than that of their compatriots in the governorate camps, although the conditions in the capital were still poor and inadequate. As the prisoners testified,

The food situation in the POW camps was very bad, but this was not the result of any hostile tendency but of the general poor economic condition of Soviet Russia.³⁸

On July 26, 1920, Felix Dzerzhinsky gave the following instructions to the Special Section of the VChK:

Pay attention to the conditions of detention of Polish prisoners of war. Take measures to prevent illegal actions that would embitter them, do not allow small items to be taken away from them, etc.³⁹

³⁶ “Telegramma v Glavnoe upravlenie obshchestvennykh rabot i povinnostei Upolnomochennomu po delam voennoplennykh polyakov o sostave pol'skikh družin pri Moskovskom upravlenii prinudrabot. 24.II.1921 g.” [Telegram to the Chief Administration of Public Works and Labor Service to the Plenipotentiary for Polish POWs about the composition of Polish brigades at the Moscow Department of Forced Labor. February 24, 1921]. F. 393, op. 89, d. 156, l. 38. GARF.

³⁷ “Vypiska iz otcheta o politrabote sredi voennoplennykh polyakov s 8-go sentyabrya po 15-e noyabrya 1920 g. 15 noyabrya 1920 g.” [Extract from the report on political work among the Polish POWs from September 8 to November 15, 1920. November 15, 1920]. F. 63, op. 1, d. 204, l. 12. RGASPI.

³⁸ I.I. Kostyushko, comp., *Polish prisoners of war in the RSFSR, the BSSR, and the UkSSR (1919–1922). Documents and materials* [in Russian] (Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 2004), 9.

³⁹ Cited in Kostyushko, *From the history of Soviet-Polish relations*, 52.

In connection with this appeal, the inspectors of the Polish Bureau made numerous visits to the camps in Moscow and devoted considerable time to settling minor conflicts (fights, beatings, thefts, etc.) between the camp administration and POWs. Despite Dzerzhinsky's direct instructions to provide the Polish brigades with the same conditions as the Red Army men, including medical care, food, etc., these instructions could hardly be fulfilled under the conditions of War Communism. The contrast in the conditions is noticeable even at the level of Moscow and Moscow Governorate. In the town of Kolomna, which is situated near Moscow, a camp for prisoners of war was set up right in the grounds of the Kolomna Machine-Building Plant. Of 182 prisoners taken there on September 25, 1920, 168 were ill with typhoid (and 20 of them died).⁴⁰ At the Kryukovsky camp near the railway station of Podsolnichnaya, a routine inspection revealed that 90% of the prisoners of war had no clothes and no footwear, there was no medical care, and the sick and the healthy were kept in the same room.⁴¹ In the concentration camp in Zvenigorod, the POW detachments were led by criminal offenders who beat the Poles and stole from them, so most POWs had to walk barefoot. Due to the incessant conflicts between the camp administration and the POWs, the concentration camp in Zvenigorod had the highest escape rate of all Moscow camps. By the summer of 1920, 109 Polish prisoners had escaped from the camp. Later, in December, the remaining prisoners were transferred to other camps.

The administration of the camps near Moscow tried to rely on prisoners of war who were members of the Polish Socialist Party and sympathized with the Soviet regime. The camp authorities trusted Polish Socialists more than others and gave them leading positions. During their free time, Polish prisoners of war kept Moscow Governorate were allowed to leave the territory of the camp to take a walk or to buy food at the local shop. These prisoners of war were even allowed to go to “the parties in the village.”⁴² Moreover, the Poles were allowed to attend festive religious services in Moscow at the Church of the Apostles Peter and Paul in Milyutinsky

⁴⁰ “Pis'mo Pol'otdela PUR Glavnomu upravleniyu prinuditel'nykh rabot № 938 o polozhenii voennoplennykh pri Moskovskom upravlenii prinudrabot. 23 noyabrya 1920 g.” [Letter no. 938 from the Polish department of the PUR to the Chief Administration of Forced Labor about the condition of POWs at the Moscow Department of Forced Labor. November 23, 1920]. F. 393, op. 89, d. 151, l. 90. GARF.

⁴¹ “Raport politinstruktora Kryukovskogo lagerya ot 11 noyabrya 1920 g.” [Report from the political instructor of the Kryukovo camp as of November 11, 1920]. F. 393, op. 89, d. 68, l. 17. GARF.

⁴² “Pis'mo Pol'otdela PUR Glavnomu upravleniyu prinuditel'nykh rabot № 938 o polozhenii voennoplennykh pri Moskovskom upravlenii prinudrabot. 23 noyabrya 1920 g.” [Letter no. 938 from the Polish department of the PUR to the Chief Administration of Forced Labor about the condition of POWs at the Moscow Department of Forced Labor. November 23, 1920]. F. 393, op. 89, d. 151, l. 90. GARF.

Lane, which was the oldest Catholic parish in Moscow from the middle of the 19th century. After the revolution, Polish communists organized the Polish Workers' Club with a theatre and a library in the cathedral. In 1920–21, work on the building and organization of the club was carried out by Moscow Polish workers' brigades. The Workers' Club also staged performances and held rallies for prisoners of war.

After the Riga Treaty was signed on March 18, 1921, the repatriation of the Polish prisoners of war from Soviet camps to their homeland began. By the summer of 1921, all the Poles – 34 839 persons in total – were repatriated.⁴³ About 3 000 Poles from among the POWs expressed a desire to stay in Soviet Russia.

Unlike the camps in the capital, the forced labor camps in Moscow Governorate had a more humane regime due to the shortage of administrative staff and guards. Another peculiarity of the camps in Moscow Governorate was their pronounced labor orientation, which consisted in the organization of subsistence farms as well as of actual production. At the height of the Civil War, in the winter of 1919, Moscow faced a heating problem due to the shortage of firewood. An eyewitness of the events, a student of the former Shanyavsky University, which became part of Moscow State University in August 1919, described the humanitarian disaster in the capital in November 1919:

Cold wind blows through huge unheated apartments. Early snow creeps in through the broken panes of windows and terraces. Centenary parks die to the sound of axes. Gardens surrounded by carved fences and bridges over canals are dismantled by walking passers-by. The thought of tasty food, of the good a man needs, is unattainable. . . All fences and telegraph poles have disappeared. With them, the inhabitants of Moscow maintain a bearable temperature in their frozen apartments. When you walk down the street in the evening, a crackling sound can be heard on all sides: these are Muscovites gathering fuel.⁴⁴

Under these circumstances, in the winter of 1919, the first 49 prisoners were sent to the railway station of Kryukovo near Moscow to collect firewood and peat for Moscow. The camp was established on the premises of the former brickyard of the merchant Ivan Rakhmanov. On December 11, the commandant of the camp reported to the NKVD about the first batch of firewood, which amounted to 108 cubic sazhen. That date was the starting point of the penal colony in Kryukovo, which remains to this day the oldest penal colony near Moscow. In 1921, as soon as the

⁴³ Kostyushko, *Polish prisoners of war in the RSFSR, the BSSR, and the UkSSR*, 12.

⁴⁴ "Moscow in November 1919: Essays by students of the Popular Science Department of Shanyavsky University" [in Russian], in *"Russian Archives": History of the Fatherland in testimonies and documents of the 18th – 20th centuries*, ed. A.L. Nalepin, is. 2–3 (Moscow: Studiya TRITE N. Mikhalkova: Rossiiskii Arkhiv, 1992), 362–76.

factories and other production facilities were integrated into the camp system, the Kryukovo labor district was established. From that time on, the camp was focused on brickmaking. The camp consisted of short-term detainees, prisoners of war, and a small number of forced labor workers. By the spring of 1922, its population amounted to about 600 people.⁴⁵ This camp was the first industrial camp in the governorate. It was formed of several enterprises with a specifically set work plan. Vasily Kotlov, its commandant, was also the commander of the Kryukovo labor district. According to the report of the Forced Labor Bureau (Prinkust) of the GUPR of the NKVD, by November 1922, the Krukovo concentration camp had been ranked among the detention facilities with the largest production rates in Moscow Governorate. By that time, only two camps in Moscow Governorate (the Kryukovo and Lianozovo camps), whose prisoners were engaged in brick making, were self-sufficient. The money from the sale of brick produced by the prisoners in Kryukovo was enough to pay wages to the prisoners, the free employees, and the persons sentenced to forced labor without imprisonment, and to repair and maintain the factories.⁴⁶ As a reward for conscientious work and overtime hours, the camp administration in Krukovo allowed the prisoners to take time off to go to town or home, free exit from the camp, and the right to live in a private apartment. In 1922, in view of the success of the individual camps in conversion to self-sufficiency and in establishing efficient production, the Prinkust suggested that the possibility should be considered to establish several new production districts similar to that of the Kryukovo camp. Such districts would be based on forced labor camps, whose prisoners would be able to financially support both themselves and entire territories. The abolition of the camp system in November–December 1922 prevented these plans from becoming reality. Nevertheless, the production camps were not abolished in 1922. They continued to function under different names: agricultural colonies, production colonies, et al. For instance, at the end of 1922, the Krukovo camp was transformed into an agricultural colony.

Prisoners of the Moscow camps as well as those sentenced to forced labor without imprisonment participated in the construction of the Kashira Power Plant, the “firstling” of the State Commission for Electrification of Russia (GOELRO). In 1921, the Kashirsky forced labor camp was formed out of the detached prisoners of the Pokrovsky and Kozhukhovsky camps of Moscow. The construction of the

⁴⁵ “Sluzhebnoe pis'mo nachal'nika okhrany Kryukovskogo lagerya v Glavnoe upravlenie prinudrabort ot 17 maya 1922 g.” [Memorandum of the head of security at the Kryukovo camp to the Chief Administration of Forced Labor as of May 17, 1922]. F. 4042, op. 2, d. 11, l. 151. GARF.

⁴⁶ “Protokol soveshchaniya po voprosu o sliyanii ‘Prinkusta’ s ‘Ob’edinennym Kustom Tsentrevaka’ 25 noyabrya 1922 g.” [Minutes of the meeting on the merger of Prinkust with the group of camps of the Center for Evacuation of Population (Tsentrevak) as of November 25, 1922]. F. 4042, op. 9, d. 1, l. 1 ob. GARF.

Kashira Power Plant was the first experience in involving prisoners in the construction of facilities on a republican scale. After 1929, prisoners were regularly involved in similar construction projects. In its importance, the Kashira Power Plant is on a par with the Dnieper Hydroelectric Station, marking a new era of energy giants that became symbols of the new economic policy and industrial revival of the country. The prisoners themselves were enthusiastic about their work, and the chief of Kashirsky camp – chief engineer G. Tsyurupa – took care of his workers, offering prisoners to move from barracks to separate wagons with beds instead of bunks.⁴⁷ Groups of prisoners were sent to the construction site for specific work, after which they returned to the camp. As a result, the Kashirsky forced labor camp did not really have a permanent contingent.

By 1922, the GUPR of the NKVD (as well as the Gulag in the near future) had essentially become an economic department, possessing both human resources in the form of prisoners and its own very extensive property that was rented out. Thus, in February 1922, a contract was drawn up between the Kashirstroi and the GUPR to lease all premises of the Kozhukhovskiy camp in view of the beginning of the construction of the Kozhukhovskaya substation. In numerous appeals, the Prinkust and the GUPR insisted that all the expenses for the maintenance of the prisoners engaged in the construction of the power plant were to be provided by the Kashirstroi. The expenses included accommodation of prisoners, including flats, provisions, and tools as well as the expenses to travel from the Pokrovskiy and Kozhukhovskiy concentration camps to the place of work and back, guarding during transfer, payment of wages (25% of the regular rate of a free laborer), etc. Under such conditions, it became totally unprofitable for the Kashirstroi to use prisoners in construction, and in 1922 the organization gave up co-operation with the GUPR due to the unprofitability of the concluded contract.

After a new arrival of Polish prisoners of war at the Moscow camps in 1920, it was decided that all counter-revolutionary elements should be transferred to the governorate in order to avoid mixing up different groups of prisoners. To this end, several camps were to be opened: at the Kazansky Monastery in the village of Golovino (in the Golovinsky district, now part of Moscow), at the Zosimovskiy Monastery in Vereisk Uyezd, at the Khotkov Monastery in Sergiev Uyezd, and at the Vlakhernovskiy Monastery in Dmitrov Uyezd. Numerous investigations of these places revealed that none of the monasteries was actually suitable for camps. The only place that could accommodate prisoners was the Chernigovskiy Skete of the Holy Trinity Sergius Lavra in Sergiev Posad. In December 1920, 146 people

⁴⁷ “Dokladnaya zapiska Zaveduyushchemu Moskovskim upravleniem lageryami prinudrabortov. Vardzieli. 29 fevralya 1920 g.” [Report to the Head of the Moscow Administration of Forced Labor Camps, Comrade Vardzieli. February 29, 1920]. F. 4042, op. 1 a, d. 8, l. 32. GAFR.

convicted of counter-revolutionary crimes were detained there while the rest of the counter-revolutionaries were transported to the northern camps of Archangelsk Governorate.

Conclusion

From late 1921, the principle of self-sufficiency and profiting from prison labor became fundamental to all camps in Soviet Russia. The camps, which were not inherently productive and were serving only a concentration function, began to be closed down, and the remaining camps resembled workers' artels. The first major camp production centers began to emerge. They were connected primarily with the forest, peat, and coal industries. It was the production capacity of the camps, and most importantly the flexibility of the camp system as a contractor that could take on various types of work, both physical and mental, that in late 1922 led Felix Dzerzhinsky, chief of the GPU, to the idea of colonizing uninhabited areas of Russia by means of camps. Dzerzhinsky saw camps not only as places of imprisonment but also as instruments of changing the social instincts of members of those classes who were not yet oriented towards socialist construction by their nature. In August 1923, anticipating the imminent opening of the Solovetsky Special Purpose Camp, Dzerzhinsky wrote to Unszlicht, his deputy in the GPU:

I am quite sure that if Vladimir Ilyich were still leading this country, he would have been in favor of this proposal (colonization of uninhabited places by means of camps – *I. U.*), and maybe he would have gone even further. The time has come when we can fight without capital punishment. This would be a great weapon in the hands of the Communists abroad to attract the intellectual and petty-bourgeois masses.⁴⁸

The idea of the productive use of camps took on a truly grandiose scale in the USSR, with a huge impact not only on the Soviet economy but also on the everyday culture of Soviet society as a whole.

The camps of Moscow Governorate played a significant role in the development of the new camp system. The successful experience of production at the Kryukovo concentration camp as well as participation of prisoners in one of Soviet Russia's first large-scale construction projects, the Kashira Power Plant, provided a broad perspective for the use of forced labor throughout the country. Prison labor in the camps of Moscow Governorate was actively used not only for physical work but also for intellectual work. In this way, by the early 1920s, the hierarchy of camp society had begun to develop along sectoral lines, with prisoners having an opportunity to

⁴⁸ A.A. Plekhanov and A.M. Plekhanov, *F.E. Dzerzhinsky – Chairman of the Cheka-OGPU. 1917–1926* [in Russian] (Moscow: MFD: Materik, 2007), 491.

use their professional skills. Later, a similar principle was applied throughout the penitentiary system of the USSR. The last camps in Moscow Governorate, like the rest of the camps in the RSFSR, were closed down in 1922. Some were completely disbanded, and others continued to work in the form of agricultural and labor colonies.

After 1923, the newly established camps were located mainly in the Russian North, where a huge camp world developed in the following years.

Список литературы

Белова И.Б. Концентрационные лагеря принудительных работ в советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38), ч. 1. С. 32–37.

Бразевич С.С. Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как организованная форма насилия в годы Гражданской войны // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: материалы X международной научной конференции (Москва, 5–7 декабря 2017 г.) / под редакцией Й. Баберовски и др. Москва: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2018. С. 728–737.

Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1974. 352 с.

Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917–1925 гг.). Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1990. 83 с.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / составители А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Москва: МФД, 2000. 888 с.

Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. Москва: РИПК работников МВД РФ, 1992. 192 с.

Знак Т.М. Любовь в концлагере № 1 города Екатеринбурга. Екатеринбург: Южно-Уральское книжное издательство, 2021. 114 с.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. Москва: Наука, 2006. 438 с.

Камардин И.Н. Лагеря принудительных работ в Поволжье в годы военного коммунизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33), ч. 1. С. 95–98.

Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б). 1920–1921 гг. Москва: Институт славяноведения РАН, 2005. 143 с.

Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний / перевод с французского Е. Мурашкинцевой, Н. Малыхиной, Ю. Розенберг. Москва: Текст, 2003. 687 с.

Кубасов А.Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 – февраль 1922 г.). Москва; Вологда: Полиграфист, 2008. 216 с.

Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Москва: Эксмо, Яуза, 2004. 448 с.

Мельгунов С.П. Красный террор в России. Москва: Вече, 2017. 448 с.

Мельник Т.Ф. О первых советских лагерях принудительных работ на Архангельском Севере (опыт систематизации источников и литературы) // XIX Ломоносовские международные научные чтения: сборник научных трудов / составители П.С. Журавлев, О.А. Подоплекин. Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2008. С. 88–106.

Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 гг.). Документы и материалы / составитель И.И. Костюшко. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2004. 404 с.

Рябинина Н. По делам «Морально-дефективных». Детская беспризорность и преступность в Верхнем Поволжье в 1920-е годы // Родина. 2011. № 11. С. 99–101.

Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / составители А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. Москва: МФД: Материк, 2007. 872 с.

Чебышев Н. Опыт статистической обработки некоторых данных о содержащихся в концентрационных лагерях // Власть Советов. Орган Народного комиссариата внутренних дел. 1922. № 4–6. С. 49–53.

ЧЕ-КА. Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий. Берлин: Новая Россия, 1922. 256 с.

Kenez P. Civil War in South Russia, 1919–1920. The defeat of the Whites. Berkeley: University of California Press, 1977. 378 p.

Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels / édition et traduction du russe par G. Moullec, N. Werth. Paris: Gallimard, 1994. 699 p.

Vaucher R. L'enfer bolchevik: à Pétrograd sous la commune et la terreur rouge. Paris: Perrin Et Cie, 1919. 458 p.

Zorin L. Soviet prisons and concentration camps: An annotated bibliography, 1917–1980. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. 118 p.

Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922). Dokumenty i materiały / opracowali Z. Karpus, S. Alexandrowicz. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995. 288 s.

References

Belova, I.B. “Kontsentratsionnye lagerya prinuditel'nykh rabot v sovetskoi Rossii: 1919–1923 gg.” [Concentration camps of forced labor in Soviet Russia: 1919–1923]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (38) (2013): pt. 1, 32–37. (In Russian)

Brazevich, S.S. “Istoricheskaya sotsiologiya revolyutsionnogo nasiliya: kontsentratsionnye lagerya kak organizovannaya forma nasiliya v gody Grazhdanskoi voiny” [Historical sociology of revolutionary violence: concentration camps as an organized form of violence during the Civil War]. In *Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoi sistemy. 1920–1950-e gody: materialy X mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 5–7 dekabrya 2017 g.)* [Lessons of October and the practice of the Soviet system. 1920–1950s: proceedings of the 10th International Scientific Conference (Moscow, December 5–7, 2017)], edited by J. Baberowski et al., 728–37. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, 2018. (In Russian)

Chebyshev, N. “Opyt statisticheskoi obrabotki nekotorykh dannykh o sodержavshikhся v kontsentratsionnykh lageryakh” [An experiment in statistical processing of some data on

the people held in concentration camps]. *Vlast' Sovetov. Organ Narodnogo komissariata vnutrennikh del*, no. 4–6 (1922): 49–53. (In Russian)

ChE-KA. *Materialy po deyatel'nosti Chrezvychainykh komissii* [The Cheka. Materials on the activities of the Extraordinary Commissions]. Berlin: Novaya Rossiya, 1922. (In Russian)

Detkov, M.G. *Soderzhanie penitentsiarnoi politiki Rossiiskogo gosudarstva i ee realizatsiya v sisteme ispolneniya ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody v period 1917–1930 godov*. [The essence of the penitentiary policy of the Russian state and its implementation in the system of execution of criminal punishment in the form of imprisonment in the period between 1917 and 1930]. Moscow: RIPK rabotnikov MVD RF, 1992. (In Russian)

Gilyarov, E.M., and A.V. Mikhailichenko. *Stanovlenie i razvitie ITU sovetskogo gosudarstva (1917–1925 gg.)* [Formation and development of corrective labor institutions of the Soviet state (1917–1925)]. Domodedovo: VIPK MVD SSSR, 1990. (In Russian)

Heller, M. *Kontsentratsionnyi mir i sovetskaya literature* [The world of concentration camps and Soviet literature]. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1974. (In Russian)

Ivanova, G.M. *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty* [The History of the Gulag, 1918–1958: Socio-economic and political-legal aspects]. Moscow: Nauka, 2006. (In Russian)

Kamardin, I.N. “Lageriya prinuditel'nykh rabot v Povolzh'e v gody voennogo kommunizma” [Forced labor camps in Volga Region during War Communism]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (33) (2013): pt. 1, 95–98. (In Russian)

Karpus, Z., and S. Alexandrowicz, comps. *Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922). Dokumenty i materiały*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995.

Kenez, P. *Civil War in South Russia, 1919–1920. The defeat of the Whites*. Berkeley: University of California Press, 1977.

Kokurin, A.I., and N.V. Petrov, comps. *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918–1960* [GULAG: Chief Administration of Camps. 1918–1960]. Moscow: MFD, 2000. (In Russian)

Kostyushko, I.I. *Iz istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. Pol'skoe byuro TsK RKP(b). 1920–1921 gg.* [From the history of Soviet-Polish relations. Polish Bureau of the Central Committee of the RCP(b). 1920–1921]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2005. (In Russian)

Kostyushko, I.I., comp. *Pol'skie voennoplennye v RSFSR, BSSR i USSR (1919–1922 gg.)*. *Dokumenty i materialy* [Polish prisoners of war in the RSFSR, the BSSR, and the UkSSR (1919–1922). Documents and materials]. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 2004. (In Russian)

Kotek, J., and P. Rigoulot. *Vek lagerei. Lishenie svobody, kontsentratsiya, unichtozhenie. Sto let zlodeyanii* [The century of the camps. Detention, concentration, extermination. One hundred years of atrocities]. Translated from French by E. Murashkintseva, N. Malykhina, and Yu. Rozenberg. Moscow: Tekst, 2003. (In Russian)

Kubasov, A.L. *Chrezvychainye komissii po bor'be s kontrrevolyutsiei na Evropeiskom Severe Rossii (mart 1918 – fevral' 1922 g.)* [Extraordinary Commissions for combating counterrevolution in Northern European Russia (March 1918 – February 1922)]. Moscow; Vologda: Poligrafist, 2008. (In Russian)

Litvin, A.L. *Krasnyi i belyi terror v Rossii. 1918–1922 gg.* [Red and White Terror in Russia. 1918–1922]. Moscow: Eksmo, Yauza, 2004. (In Russian)

Mel'gunov, S.P. *Krasnyi terror v Rossii* [Red Terror in Russia]. Moscow: Veche, 2017. (In Russian)

Mel'nik, T.F. “O pervykh sovetskikh lageryakh prinuditel'nykh rabot na Arkhangel'skom Severe (opyt sistematizatsii istochnikov i literatury)” [About the first Soviet forced labor camps in the Arkhangel'sk North (an attempt of systematization of sources and literature)]. In *XIX Lomonosovskie mezhdunarodnye nauchnye chteniya: sbornik nauchnykh trudov* [The 19th Lomonosov International Scientific Readings: Collection of scientific papers], compiled by P.S. Zhuravlev and O.A. Podoplekin, 88–106. Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2008. (In Russian)

Plekhanov, A.A., and A.M. Plekhanov. *F.E. Dzerzhinskii – predsedatel' VChK–OGPU. 1917–1926* [F.E. Dzerzhinsky – Chairman of the Cheka-OGPU. 1917–1926], Moscow: MFD: Materik, 2007. (In Russian)

Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels. Edited and translated from Russian by G. Moullec, N. Werth. Paris: Gallimard, 1994.

Ryabinina, N. “Po delam ‘Moral'no-defektivnykh.’ Detskaya besprizornost' i prestupnost' v Verkhnem Povolzh'e v 1920-e gody” [On the affairs of the “Morally defective.” Juvenile homelessness and delinquency in the Upper Volga region in the 1920s]. *Rodina*, no. 11 (2011): 99–101. (In Russian)

Vaucher R. *L'enfer bolchevik: à Pétrograd sous la commune et la terreur rouge.* Paris: Perrin Et Cie, 1919. (In French)

Znak, T.M. *Lyubov' v kontslagere № 1 goroda Ekaterinburga* [Love in Concentration Camp No. 1 of the city of Yekaterinburg]. Yekaterinburg: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2021. (In Russian)

Zorin, L. *Soviet prisons and concentration camps: an annotated bibliography, 1917–1980.* Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1980.

Информация об авторе

Илья Витальевич Удовенко – старший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-3293-1497>, ilvitud@gmail.com, Музей истории ГУЛАГа (д. 9, стр. 1, 1-й Самотечный пер., 127473 г. Москва, Россия).

Information about the author

И'ya V. Udovenko – Senior Researcher, <https://orcid.org/0000-0002-3293-1497>, ilvitud@gmail.com, Gulag History Museum (9, str. 1, Pervyi Samotyochnyi per., 127473 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 04.07.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 27.09.2022.